

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ирина Филатова, Аполлон Давидсон

РОССИЯ и Южная Африка

наведение мостов

Издательский дом Высшей школы экономики

Москва 2012

УДК 327
ББК 66.4
Ф51

В данной научной работе использованы результаты,
полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0040,
реализованного в рамках Программы
«Научный фонд НИУ ВШЭ в 2012–2013 гг.»

Р е ц е н з е н т:
доктор исторических наук, профессор *И.В. Кривушин*

ISBN 978-5-7598-0917-3

© Филатова И.И., 2012
© Давидсон А.Б., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Содержание

Об этой книге	6
Советская теория национально-освободительной революции, АНК и ЮАКП	9
Ленинская теория и ее метаморфозы в 1920–1930-е годы	9
Теоретическое наследие «независимой туземной республики»	12
Эволюция советской теории после Второй мировой войны	15
Национально-демократическая революция и социалистическая ориентация.	19
Проверка практикой и крах теории	24
За радикальные преобразования и расовое равенство	29
«Колониализм особого типа» и национально-демократическая революция.	33
«Красная опасность» и «тотальное наступление»: СССР в идеологии и политике ЮАР в 1960–1980-е годы	42
Истоки и эволюция идеи «красной опасности»	42
«Коммунистическое наступление» и «советская угроза»: 1960-е — начало 1970-х годов	47
1976 год	51
Доктрина «тотального наступления»	56
Паранойя	61
Смещение акцентов	66
ЮАР изучает СССР.	70
Южная Африка в советском мировидении времен холодной войны	76
Южная Африка в «глобальной стратегии» СССР	76
Советская политика по отношению к ЮАР	82
Место АНК в советской политике	90
Оттенки	101
Пропагандистская война	106
Советская пропаганда — формы и содержание	106
Южноафриканская пропаганда: поражения и победы	122
Непредсказуемые результаты пропаганды	133

Тайная война	141
Советские разведчики в ЮАР	141
А южноафриканцы?	157
Просто война	172
Военные действия и СССР	173
Цена победы	192
Бойцы вспоминают...	203
АНК, ЮАКП и СССР	216
Вооруженная борьба, ЮАКП и СССР	217
Начало контактов	224
Советский мир АНК	230
«Штыками и картечью...» Советская военная помощь АНК	240
Подготовка кадров Умконто в СССР	241
Советские военные специалисты при Умконто	253
Операции Умконто	259
Поставки оружия	264
Результаты и значение советской военной помощи для АНК	269
«Московское золото» и многое другое	276
Финансовая помощь	276
Гуманитарная и прочая практическая и политическая помощь	282
Землячество: южноафриканские студенты в СССР	288
Студенты	289
Ленинская школа	295
Дети	299
Сколько было южноафриканских студентов?	300
Новый Иерусалим?	303
Впечатления	303
Образ СССР в мире АНК	315
Друзья и учителя	329
Жены и другие	332
Перестройка: ветер перемен в СССР	336
Разочарования и перемены	336
Конец монолита	357
Отношения с АНК	376

«Преториястройка»: ветер перемен в ЮАР	388
«Верхи не могут, низы не хотят...»	388
Неожиданные инициаторы контактов с АНК	394
Незаметная кончина «тотального наступления»	403
Чего ждала от перемен в советской политике «белая» Южная Африка	413
Смена вех: установление отношений между ЮАР и СССР	419
СССР и ангольско-намибийское урегулирование	419
Контакты и встречи — официальные и неофициальные	430
Установление дипломатических отношений	448
Заключение. СССР и «южноафриканское чудо»	459
Библиография	465
Список сокращений	478
Именной указатель	480

Об этой книге

Когда народы, распри позабыв...
Александр Пушкин

Два года назад вышла книга «Россия и Южная Африка: три века связей». Открывалась она первым упоминанием Московии на мысе Доброй Надежды в 1652 году, а завершилась серединой Двадцатого столетия.

Данная книга — продолжение. В ней мы рассказываем о связях России и Южно-Африканской Республики в тот период, когда наши страны впервые оказались вовлеченными в прямые и активные, хотя и непростые, отношения. Начинается он с установления связей Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) с Африканским национальным конгрессом (АНК) и Южно-Африканской коммунистической партией (ЮАКП). Заканчивается — установлением дипломатических отношений между Южно-Африканской Республикой (ЮАР) и Российской Федерацией.

Период достаточно сложный. Это было время, когда СССР оказывал помощь АНК в борьбе против политики апарtheidа, которую правящие круги ЮАР трактовали как «раздельное развитие» рас, а большинство в мире считало расовой дискриминацией. Руководство же ЮАР утверждало, что наша страна ведет против Южной Африки тотальное наступление. Большую часть этого времени между нашими странами не было дипломатических отношений, но СССР стоял в центре теоретических построений творцов доктрины расового превосходства. Для противников расистских порядков он был самым большим другом, для защитников этих порядков — самым большим врагом.

Именно поэтому перемены в СССР в конце 80-х годов прошлого века оказали огромное влияние на ситуацию в ЮАР и на Юге Африки в целом. Политика нашей страны в этом регионе резко изменилась. Государственная политика ЮАР по отношению к нашей стране — еще в большей степени. Менялись и взаимные

представления россиян и южноафриканцев друг о друге. Одним эти перемены были по душе, другим нет.

О роли СССР в этом регионе и о том, каким было его влияние, до сих пор идут споры. Слишком недавно происходили все эти события, слишком идеологически заостренными они были. Мы стремились подойти к этому недавнему прошлому непредвзято. Но ведь и само представление о непредвзятости у всех людей разное.

Наш любимый поэт Алексей Константинович Толстой писал в своей бессмертной «Истории России...»:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

Увы, в этой книге умолчать «о том, что близко» было трудно: она посвящена самым животрепещущим событиям идеологического противостояния.

Эпоха, о которой мы пишем, была частью нашей жизни. Мы знакомы со многими ее героями, как россиянами, так и южноафриканцами. Одних знали давно, других интервьюировали специально в связи с этой книгой. Об этой эпохе написано уже немало воспоминаний и исследований, и, конечно, мы использовали их в нашей работе. Работали и в архивах, как российских, так и южноафриканских. Многое, особенно в российских архивах, до сих пор остается закрытым, и эти пробелы мы пытались восполнить рассказами наших собеседников и своими воспоминаниями.

В Южной Африке мы бывали часто и подолгу. В 1989 г., еще до краха режима апарtheidа, стали первыми учеными нашей страны, повидавшими ЮАР. Потом по приглашению разных южноафриканских университетов жили и работали там много лет. Ирина Ивановна Филатова заведовала кафедрой истории в университете Дурбан-Вествил. Аполлон Борисович Давидсон стал организатором и директором Центра российских исследований Кейптаунского университета.

На торжественном открытии этого Центра в 1994 г. Нельсон Мандела, первый демократически избранный президент ЮАР, призвал к «наведению мостов» между Россией и ЮАР. «Южная Африка и Россия, — сказал он, — должны стать странами, кото-

рые объединяет будущее и не разъединяют ни географическая отдаленность, ни прошлые заблуждения, ни политические мифы».

Отсюда и название нашей книги — «Россия и Южная Африка: наведение мостов». В ней говорится о том периоде, который стал мостом из прошлого в будущее, от войны к миру, от борьбы к строительству новых отношений. Он заложил основы тех связей, которые существуют между нашими странами сейчас.

Мандела возложил на нас огромную ответственность, сказав: «Мы должны высоко ценить, что профессор Аполлон Давидсон и его коллеги хорошо понимают подлинный характер отношений между нашими странами»¹. Работая над этой книгой, мы стремились оправдать столь высокую оценку.

Вместе или порознь мы встречались с виднейшими политическими деятелями эпохи, которой посвящена эта книга. Среди них южноафриканцы Джон Маркс, Мозес Котане, Уолтер Сисулу, Оливер Тамбо, Джо Слово, Табо Мбеки, Гован Мбеки, Хелен Сузман, Фредерик фан Зейл Слабберт, Фредерик де Клерк, Алекс Борейн и многие, многие другие. И россияне: Андрей Юрьевич Урнов, Владимир Геннадьевич Шубин, Анатолий Леонидович Адамишин. Все эти люди помогли нам лучше понять эпоху, о которой мы пишем.

За это мы им глубоко благодарны.

---

¹ *Mandela N. Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17–19 August 1994. Cape Town: Phoenix Publishers, 1995. P. 5–6.*

Советская теория национально-освободительной революции, АНК и ЮАКП

На протяжении всего советского периода политика СССР в афро-азиатском мире, в том числе и на Юге Африканского континента, определялась идеями и идеалами национально-освободительной революции. Теория национально-освободительного движения разрабатывалась несколькими поколениями советских идеологов. Без понимания ее основ невозможно понять как природу политики СССР в третьем мире и его отношений с национально-освободительными движениями, в том числе и с Африканским национальным конгрессом и его союзниками, так и отношение к СССР самого АНК, поскольку многие элементы советской теории были им восприняты и глубоко усвоены.

Советская теория национально-освободительной революции прошла длительный путь развития. Ее основу заложил В.И. Ленин. В 1920-х годах она была откорректирована на бурных заседаниях Коммунистического интернационала (Коминтерна) — международного объединения компартий с центром в Москве. В конце 1920-х–1930-е годы она была переписана И.В. Сталиным. А в конце 50-х–70-е вновь переделана и доработана КПСС. Каждый из этих этапов наложил свой отпечаток на то, какой была эта теория к моменту распада СССР и какой она видится ее последователям, в том числе и южноафриканским.

Ленинская теория и ее метаморфозы в 1920–1930-е годы

Советская теория антиколониализма — «национально-освободительной революции» — была впервые изложена Лениным в докладе по национальному и колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. и получила развитие в его работе

«Детская болезнь “левизны” в коммунизме», в речи на II Всероссийском съезде коммунистических организаций и народов Востока, в речах и докладах на III и IV конгрессах Коминтерна.

Основные положения ленинского доклада (тезисов) на II конгрессе таковы: мир делится не только на классы, но и на угнетающие и угнетенные народы, причем первых — «ничтожное число», вторых — «громадное большинство»; Советская Россия — естественный союзник угнетенных народов, поскольку против нее ведет войну как раз та самая «небольшая группа империалистических наций», которая угнетает и большинство народов всего мира; национальное движение может быть только буржуазным, но, в отличие от других буржуазных движений, оно может быть прогрессивным — «национально-революционным»; коммунисты могут поддерживать «буржуазные освободительные движения в колониальных странах», но лишь в тех случаях, когда эти движения «действительно революционны» и позволяют коммунистам «воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»; в докапиталистических условиях, где нет пролетариата, применим опыт крестьянских советов российских окраин при условии, что «пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам»; капиталистическая стадия развития неизбежна для «отсталых народов, которые освобождаются теперь», поскольку «победоносный пролетариат» будет вести среди них систематическую пропаганду, а советские правительства «придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами»².

К середине 1920-х годов ленинские положения претерпели изменения. Ленин говорил о возможности и даже желательности союза коммунистов с буржуазией колоний в борьбе за национальное освобождение, но V конгресс Коминтерна в 1924 г. отказал национальной буржуазии в каком бы то ни было антиколониальном потенциале. Социалисты, поддерживавшие реформы в колониях и не выступавшие прямо за национальную революцию, попали в разряд «национал-реформистов».

Политику партии по национальному вопросу определял теперь Сталин. Он начал свою партийную карьеру именно с разра-

---

² Ленин В.И. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля // Ленин В.И. Собр. соч.: В 44 т. 4-е изд. Т. 31. М.: Госполитиздат, 1950. С. 215–220.

ботки этого вопроса. Как и Ленин, Сталин проводил различие между буржуазией империалистических стран и национальной буржуазией колониальных и зависимых стран. Вторая, писал он, «на известной стадии и на известный срок может поддержать революционное движение своей страны против империализма...»³. В принципе союзом с буржуазией Сталин не доверял. Уже в первой своей статье по национальному вопросу, опубликованной в 1904 г. на грузинском языке, он заявил: «...вообще пролетариат не будет поддерживать так называемое национально-освободительное движение, так как до настоящего времени всякое такое движение совершалось в пользу буржуазии, разворачивало и калечило классовое самосознание пролетариата»⁴.

Однако не верил он и в возможность перехода народов до-капиталистических обществ к социализму, минуя капитализм, в ходе национально-освободительных революций. Ленин, как мы видели, считал такой путь возможным. Сталин утверждал, что говорить «о возможности мирного перехода в Китае [в 1927 г. — А.Д., И.Ф.] от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской — это ошибка»⁵.

Коль скоро национальные революции были капиталистическими, результатом их и должно стать создание капиталистических обществ, если ими руководила буржуазия. Сталин говорил о необходимости «обеспечения гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции», для чего компартия должна была в такой революции сохранять свою самостоятельность. В 1927 г. по его настоянию и вопреки возражениям многих его коллег по партии, в том числе и Троцкого, пропагандировавшего «перманентную революцию», что, среди прочего, означало и перерастание национальной революции в социалистическую, молодая Коммунистическая партия Китая попытала действовать против «правых» в рядах Гоминьдана. Сталин писал о необходи-

---

³ *Сталин И.В.* Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 9 августа 1927 г. // *Сталин И.В.* Соч.: В 13 т. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949. С. 11.

⁴ *Сталин И.В.* Как понимает социал-демократия национальный вопрос? // Указ. соч. Т. 1. 1946. С. 49.

⁵ *Сталин И.В.* Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена // Указ. соч. Т. 9. 1948. С. 252.

ности «изоляции правых внутри Гоминьдана и использовании их для целей революции», а затем «решительного изгнания правых из Гоминьдана... решительной борьбы с правыми, вплоть до полной их политической ликвидации»⁶. «Не выход из Гоминьдана, а обеспечение руководящей роли компартии, как в Гоминьдане, так и вне его, — вот что требуется теперь от китайской компартии, если она хочет быть действительно самостоятельной», — пояснял он⁷.

Националисты под руководством Чан Кайши учили над коммунистами расправу, практически уничтожив партию. Но Stalin не изменил своего подхода. В статье «Международный характер Октябрьской революции» он писал: «Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения пролетариата этих стран, эра его гегемонии в революции»⁸. Ленинский подход был тем самым снова отвергнут, хотя прямо об этом ни Stalin, ни многочисленные советские интерпретаторы ленинской теории, конечно, не говорили.

Теоретическое наследие «независимой туземной республики»

Коминтерн занялся непосредственно южноафриканскими делами в 1927 г. Один из руководителей Коммунистической партии Южной Африки (КПЮА), предшественница существующей ныне Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП), Джеймс ла Гума, посетил в том году Москву дважды. Именно в результате переговоров с ним Исполком Коминтерна (ИККИ) впервые предложил КПЮА определенную политическую линию. В окончательном варианте она была одобрена сначала политсекретариатом Исполкома Коминтерна, а потом VI конгрессом, состоявшимся в конце 1928 г., компартии было предложено «сочетать борьбу против всех законов, направленных против туземцев, с общим политическим лозунгом независимой туземной южноафриканской республики как стадии на пути к рабочей и крестьян-

---

⁶ Stalin И.В. Вопросы китайской революции // Stalin И.В. Указ. соч. Т. 9. 1948. С. 226–227.

⁷ Stalin И.В. Беседа со студентами... // Указ. соч. Т. 9. 1948. С. 266.

⁸ Stalin И.В. Международный характер Октябрьской революции // Указ. соч. Т. 10. 1949. С. 245.

кой республике с полными правами для всех рас: черной, цветной и белой»⁹. К Южной Африке была, таким образом, применена идея двухступенчатой революции, впервые сформулированная Лениным в 1905 г. в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹⁰. Только целью первой ступени борьбы здесь была не просто демократическая революция, а освобождение африканцев от национального гнета, второй — освобождение всего рабочего класса от экономической эксплуатации и построение социализма.

В 1935 г., на VII конгрессе Коминтерна, лозунг независимой туземной республики был отменен так же жестко, как и вводился. Главной идеей конгресса была борьба против угрозы фашизма и необходимость создания с этой целью единого фронта во всех странах. Но это не значило, что от идеи борьбы за национальное освобождение или от ее двухступенчатого характера отказались вовсе. В резолюции, подготовленной Исполкомом Коминтерна для принятия на очередном (9-м) съезде КПЮА уже после VII конгресса, в феврале 1936 г., указывалось, что в новой ситуации «несвоевременно... настаивать на продвижении лозунга независимой туземной республики», поскольку «он способствует деятельности фашистов по разжиганию национализма и расовой ненависти, прежде всего между туземцами и белыми». Но одновременно в ней говорилось и о том, что национально-освободительная борьба продолжается и что совмещение ее задач с задачами «революционно-демократической диктатуры рабочих и фермеров» — ошибка. «Туземные народы могут быть сегодня мобилизованы против империализма, но массы туземных тружеников еще не созрели, чтобы подняться на борьбу против вождей своих племен, — утверждали авторы документа. — Они созреют для решения этой второй задачи прежде всего в борьбе против империализма»¹¹.

Компартии указывалось на то, что до сих пор она работала только с рабочими, фермерами и трудящимися, но «игнорировала самых важных союзников южноафриканского рабочего класса —

---

⁹ South Africa and the Communist International: A Documentary History (1919–1939) / A. Davidson, I. Filatova, V. Gorodnov, S. Johns (eds). London: Frank Cass, 2003. Vol. I. Documents 41; 66.

¹⁰ Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 9. 1947. С. 3–119.

¹¹ South Africa and the Communist International... Vol. II. Document 59.

угнетенные народы», и предлагалось работать с такими «национально-реформистскими организациями, как АНК». Правда, в резолюции говорилось также, что национальному угнетению подвергаются и африканеры, а значит, партия должна предложить и им бороться за свою независимую республику. По мнению авторов, все это должно было привести к созданию широкого народного фронта в стране. Новый лозунг, предложенный партии, звучал так: «За независимые южноафриканские республики!»¹², т.е. по одной для каждого угнетенного народа. Создатели апарtheidа были бы весьма удивлены, если бы узнали, что идея разных государств для разных расовых групп в Южной Африке впервые пришла в голову стратегам Коммунистического интернационала.

Главная рекомендация Коминтерна компартии Южной Африки после 1935 г. — сконцентрировать усилия на каждодневных нуждах трудящихся. Коминтерн и до этого неоднократно привлекал внимание партии к работе с профсоюзами и в них. Прежде всего, речь шла о Союзе промышленности и торговли¹³. С 1935 г. руководство Коминтерна требовало, чтобы работа в профсоюзах стала для партии главной деятельностью. В резолюции Секретариата ИККИ о ситуации в КПЮА от 17 марта 1936 г. и в Программе действий, предложенной КПЮА Секретариатом ИККИ, главной задачей, поставленной перед коммунистами, была работа с профсоюзами и создание единого руководства профсоюзного движения под их руководством. Только после этой задачи ставилась другая — работа по защите прав угнетенного туземного населения¹⁴.

Коминтерн давал рекомендации партии и по поводу конкретных задач партийного строительства. Указывалось, какие отделы должны существовать в руководстве партии, говорилось о территориально-производственном принципе партийной структуры, о создании и функционировании партийных ячеек, о партийной прессе и т.д.¹⁵

И лозунг независимой туземной республики, и рекомендации Коминтерна 1935–1936 гг. оказали длительное воздействие на характер теоретических дискуссий как в КПЮА, так в дальней-

---

¹² South Africa and the Communist International... Vol. II. Document 59.

¹³ Ibid. Vol. I. Document 42.

¹⁴ Ibid. Vol. II. Documents 63, 67.

¹⁵ Ibid. Vol. I. Document 80.

шем и в АНК, а также на характер деятельности этих организаций. Даже сегодня южноафриканские коммунисты считают лозунг независимой туземной республики одной из идейных основ своего движения. В 2007 г. Д. Твиди, хозяин блога ЮАКП «Коммунистический университет», писал: «Мы можем составить список документов [освободительного движения]. — А.Д., И.Ф.], примерно документ на каждое десятилетие, начиная с 1920-х гг., которые ясно продемонстрируют, что аргументы, обсуждавшиеся в них, определили историю Южной Африки... Этот список можно начать коминтерновской резолюцией о “Черной республике” 1928 г.»¹⁶ А в 2009 г. Конгресс южноафриканских профсоюзов провел семинар на тему «Тезис туземной республики — предвестник троистенного союза» (между АНК, ЮАКП и Конгрессом южноафриканских профсоюзов, КОСАТУ). С основным докладом на семинаре выступил генеральный секретарь ЮАКП Блэйд Нзиманде¹⁷.

Эволюция советской теории после Второй мировой войны

Изменения в мире после Второй мировой войны не могли не изменить и подхода советских теоретиков к проблемам антиколониализма. Изменения, однако, появились не в одночасье. Так, во время переговоров с военными союзниками о послевоенном переустройстве мира СССР потребовал передать ему некоторые итальянские колонии, чтобы продемонстрировать, какой может быть «социалистическая колония»¹⁸. План не удался, но еще долгие годы советские теоретики настаивали, что независимость, предоставлявшаяся колониям бывшими колониальными держа-

---

¹⁶ Communist University. DomzaNet. 23.03.2007 // <http://groups.google.com/group/Communist-University>

¹⁷ COSATU Today [COSATU Daily News]. 24.07.2009 // <http://www.cosatu.org.za/>

¹⁸ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960: В 2 т. / под ред. А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. Т. 2. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 135—138; Давидсон А.Б., Мазов С.В., Цыпкин Г.В. СССР и Африка. Документированная история взаимоотношений. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 117—124; Mazov S. The USSR and the former Italian Colonies, 1945—1950 // Cold War History. London, 2003. Vol. 3, issue 3.

вами, была «фальшивой», что она была «маневром», направленным на «увековечивание» их колониального статуса и привязывание их к бывшим метрополиям. Считалось, что только революция может привести к настоящей независимости.

В первые послевоенные годы официальных документов по этой тематике не было: Коминтерн был распущен, а партийные съезды в то время не проводились. В докладе А.А. Жданова на Информационном совещании некоторых коммунистических партий, проходившем в Польше в 1947 г., говорилось лишь, что «попытки подавления национально-освободительного движения военной силой... наталкиваются на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний». А в декларации, принятой Совещанием, упоминалось, что коммунисты обязаны «возглавить сопротивление планам империалистической экспансии и агрессии»¹⁹.

Но с конца 1940-х годов, когда колонии одна за другой отпадали от колониальных империй, возникла необходимость интегрировать феномен независимости в существовавшие теоретические построения, а также определить характер отношений с новыми странами. Опыт Китая снова стал одним из определяющих моментов советской политики. В 1949 г. китайские коммунисты вышли победителями в гражданской войне и, разбив Гоминьдан, словно подтвердили верность сталинского подхода. Сталин приветствовал такое развитие событий и призвал китайских товарищ работать в других странах Азии. На Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Венгрии в 1949 г., только победа КПК и создание Китайской Народной Республики были упомянуты в связи с национально-освободительным движением. Декларировалось также, что СССР является «решительным врагом политики национального и расового угнетения»²⁰.

Но колонии далеко не всегда освобождались по китайскому образцу или по коминтерновскому сценарию. Признать теорию неверной было невозможно — значит что-то не так должно было быть с самими освобождавшимися странами. Поэтому поначалу

---

¹⁹ Информационное совещание представителей некоторых партий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 10, 17.

²⁰ Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М.: Госполитиздат, 1949. С. 46, 48.

советские теоретики антиколониализма и приветствовали их появление без фанфар.

Если колония пришла к независимости не под руководством рабочего класса, то независимость ее, по словам историка Е.М. Жукова, была «формальной» или «илюзорной». «Колониальное положение, т.е. прежде всего, экономическое порабощение страны империализмом, вполне совместимо с ее формальным равноправием и даже с “независимостью”», — писал он в 1949 г.²¹ В качестве примеров такой «илюзорной» независимости он приводил Бирму и Индию.

Идея о неподлинной независимости была развита В.А. Масленниковым, одним из главных специалистов по теории национально-освободительного движения после войны. Четырьмя годами позже, в 1953 г., он писал: «...одним из таких маневров [правящих классов метрополий. — А.Д., И.Ф.] является фиктивное предоставление колониям независимости. Предоставляя так называемую независимость, империалисты привлекают к власти наиболее продажные слои помещиков и буржуазии и через них подавляют национально-освободительное движение и усиливают колониальную эксплуатацию»²².

Как и в 1930-е годы, вооруженная борьба считалась наиболее предпочтаемой формой антиколониализма, поскольку в теории она неизбежно должна была привести освободившиеся колонии в социалистический лагерь. После войны об этом стали писать даже откровеннее²³. Независимость Индонезии и Вьетнама считалась подлинной, потому что эти страны завоевали ее в вооруженной борьбе. Но в конечном итоге главным фактором, определявшим отношение СССР к новым независимым странам, была не их революционная история, а степень их близости к социалистическому лагерю. Эти положения оставались в арсенале советской политики и в 1970-е и в начале 1980-х годов.

---

²¹ Жуков Е.М. Обострение кризиса колониальной системы после Второй мировой войны // Кризис колониальной системы / под ред. Е.М. Жукова. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. С. 21.

²² Масленников В.А. Национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах // Углубление кризиса колониальной системы империализма после Второй мировой войны / под ред. В.А. Масленникова. М.: Госполитиздат, 1953. С. 38.

²³ См., например: Лемин И.М. Обострение кризиса Британской империи после Второй мировой войны. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 9.

К середине 1950-х годов ситуация кардинально изменилась и в самом СССР, и в мире. Китайские события, набиравшая темпы деколонизация и революционный характер этого процесса, увлеченность многих политиков освобождавшихся стран социалистической фразеологией, а иногда и социалистической альтернативой, их стремление установить дружественные отношения с СССР, зарождение Движения неприсоединения, Бандунгская конференция 1955 г. и успех визитов Н.С. Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан в том же 1955 г., проблемы США в Индокитае — все эти факторы привели советское руководство к выводу о том, что процесс деколонизации в целом, независимо от характера его в каждой стране, мог стать важным союзником социалистического лагеря в борьбе против империализма. Это был возврат к ленинской идеи о том, что национально-освободительное движение было естественным союзником социалистических стран.

Более того, в ситуации холодной войны и на фоне ослабления компартий Запада деколонизация стала видеться из Москвы как преддверие краха капиталистической системы — возрождение той самой мировой революции, которая не состоялась в развитых странах Европы и Америки, но теперь шла с Востока и Юга. Даже раскол с Китаем привел не к разочарованию в революционном и союзническом потенциале национальных движений, а, наоборот, к убежденности в том, что СССР должен вести их «правильным», советским курсом, защищая от вредного китайского влияния²⁴.

На XX съезде КПСС в 1956 г. Хрущев впервые говорил о распаде колониальной системы империализма и о становлении новых развивающихся стран как одном из признаков общего кризиса капитализма. Тогда же он впервые сказал, что в новых условиях, при существовании социалистического лагеря, гражданские войны и насилиственные потрясения не являются больше необходимым этапом на пути к социализму и что теперь «могут быть созданы условия для проведения мирным путем коренных политических и экономических преобразований»²⁵.

---

²⁴ См., например: Westad O.A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 204–205, 215.

²⁵ Отчетный доклад ЦК КПСС XX Съезду КПСС. 14 февраля 1956 г. // http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/1956sezd20.php

Поворот в советской политике по отношению к Африке определило закрытое постановление «О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы», принятое ЦК КПСС 20 января 1960 г.²⁶

Национально-демократическая революция и социалистическая ориентация

В конце 1950-х гг. в ЦК КПСС была создана специальная группа советников, работавшая над теоретическими проблемами национально-освободительного движения. Позже ее возглавил К.Н. Брутенц, один из заместителей заведующего Международным отделом ЦК. Под его руководством в 1970-х годах теория получила полное развитие. Создававшиеся этой группой теоретические положения после доработки наверху становились официальной линией партии и в тезисном виде излагались в ее официальных документах: отчетных докладах на партийных съездах, программах, документах совещаний коммунистических и рабочих партий. Теорией и практикой национально-освободительного движения занималось несколько академических институтов, по разным аспектам этой темы были опубликованы сотни коллективных и индивидуальных монографий и бесконечное количество статей.

Основные положения теории сводились к тому, что в новых условиях, когда социализм стал важнейшим политическим фактором современности, молодые освобождающиеся государства могли миновать капиталистическую стадию развития, продолжив революционный потенциал национальных революций и развив его в преобразования социалистического толка. Авторы теории полагали, что, хотя экономический базис в таких странах для социализма не созрел, революционная надстройка при содействии «международного пролетариата», т.е. прежде всего социалистического лагеря, могла подтянуть базис до необходимого для построения социализма уровня. Без социалистической революции переход к социализму был невозможен, но после известного подготовительного переходного периода она могла совершиться мирно. По сути все это было детализацией ленинских положений, кото-

---

²⁶ Россия и Африка... Т. 2. С. 165.

рые казались особенно актуальными с возникновением социалистического лагеря и новым подъемом антиколониальной борьбы.

Теория оперировала несколькими взаимосвязанными понятиями: национально-демократическая революция; революционная демократия; национально-демократическое государство; некапиталистический путь развития, или социалистическая ориентация.

Понятие национально-демократической революции было краеугольным камнем теории. Оно появилось в советском политическом вocabulare в конце 1950-х. К.Н. Брутенц писал, что это понятие было предложено КПСС, «широко принято» международным коммунистическим движением, использовалось в документах и платформах коммунистических партий и наконец «широко использовалось на Международной встрече коммунистических и рабочих партий»²⁷.

Р.А. Ульяновский, также видный теоретик национально-освободительного движения и заместитель заведующего Международным отделом ЦК, писал в начале 1970-х годов, что «современное национально-демократическое развитие» — движение совершенно новое, но оно аналогично опыту некоторых советских среднеазиатских республик и Монголии, с которыми его роднит «стремление к минованию капитализма или сокращению его фаз»²⁸. Другой теоретик национально-освободительного движения, также ответственный работник ЦК, П.И. Манчха, отмечая сходство африканских стран, ориентировавшихся на социализм, с советскими республиками и Монголией, писал, что ситуация в этих странах все же совершенно отличалась от них. Он особо подчеркивал, что «революционные завоевания Монголии» находились «под надежной защитой первого социалистического государства», а «африканские страны социалистической ориентации отделены от СССР на тысячи километров», что предполагает «прежде всего максимальное использование... внутренних возможностей», хотя и в «сочетании с умелой реализацией внешней помощи со стороны мирового социалистического содружества и международного рабочего движения»²⁹.

---

²⁷ Brutents K.N. National Liberation Revolutions Today. Some Questions of Theory. Part 1. Moscow: Progress Publishers, 1977. P. 146—147.

²⁸ Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М.: Политиздат, 1972. С. 477.

²⁹ Манчха П.И. Актуальные проблемы современной Африки. М.: Политиздат, 1979. С. 35—36.

Брутенц объяснял, что «введение коммунистическими партиями... категории “национально-демократическая революция” явилось результатом появления новых черт национально-освободительных революций в наши дни. В этих революциях, — писал он, ... есть и подспудная антикапиталистическая тенденция... Они не только ослабляют систему империализма... Когда [их. — А.Д., И.Ф.] лидеры происходят [так в тексте. — А.Д., И.Ф.] из политических сил, представляющих интересы пролетариата, эти революции... перерастают непосредственно в социалистические революции. Когда их лидеры происходят из непролетарских демократических сил... эти революции приводят, наряду с важными антиимпериалистическими и антифеодальными переменами, к антикапиталистическим трансформациям, прокладывающим путь к переходу к социалистическому переустройству... Национально-демократическая тенденция развития в революции может победить как на первом, так и на втором этапе революции»³⁰.

У национально-демократической революции, таким образом, могло быть только два возможных исхода: социализм, развивающийся непосредственно из антиколониализма, или постепенная социалистическая трансформация в течение переходного периода. Такой период был назван «некапиталистическим развитием».

Идея некапиталистического пути развития была сформулирована на Совещании коммунистических и рабочих партий 1960 г. — влиятельном международном форуме, в котором участвовала 81 партия. Она была подтверждена и конкретизирована в программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г. и развита на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. С 1967 г. наряду с термином «некапиталистическое развитие» стал употребляться другой, более политически четкий — «социалистическая ориентация». В документах Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. оба термина использовались как взаимозаменяемые.

Точного определения социалистической ориентации в документах не было, но все они сходились на том, что это переходная форма от докапиталистических обществ к социалистическому. В энциклопедическом справочнике «Африка» говорилось, например, что «социалистическая ориентация, некапиталистический

---

³⁰ Brutents K.N. Op. cit. P. 148—149.

путь развития — это начальный этап общественного прогресса в направлении к социализму в странах, где народ отвергает капитализм как систему, но условия для социалистической революции и строительства социализма еще отсутствуют»³¹.

С течением времени советские исследователи стали различать страны социалистической ориентации первого поколения (Гана, Гвинея, ДРК, Танзания и т.д.) и второго (Эфиопия, Ангола, Мозамбик). В странах социалистической ориентации второго поколения у власти должны были стоять лидеры, считавшие основой своей политики научный социализм³².

Совещание коммунистических и рабочих партий 1960 г. определило, что классовой основой некапиталистического развития является «единый национальный демократический фронт всех патриотических сил нации». Основа такого фронта — союз рабочего класса и крестьянства³³. Руководить фронтом должен «блок всех прогрессивных, патриотических сил, борющихся за полную национальную независимость, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революций», но победа его обеспечивалась «активным участием рабочего класса в национально-освободительной революции»³⁴. Такой блок был назван «революционной демократией».

Сами революционные демократы называли себя так далеко не всегда. В 1972 г. издававшийся в Праге теоретический журнал «Проблемы мира и социализма» организовал дискуссию о некапиталистическом пути развития, в ходе которой представители правящих режимов тогдашних стран социалистической ориентации называли свои правительства «прогрессивными», «национально-патриотическими», «национально-демократическими» и т.д.³⁵ Авторы коллективной монографии «Африка: проблемы социалистиче-

---

³¹ Африка. Энциклопедический справочник / под ред. Ан. А. Громыко: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Сов. энцикл., 1987. С. 389.

³² Развивающиеся страны в современном мире. Пути революционного процесса. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1986. С. 136–169.

³³ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М.: Госполитиздат, 1960. С. 37.

³⁴ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.

³⁵ Проблемы мира и социализма, 1972. № 11. С. 35–59.

ской ориентации» писали, что революционная демократия — это прослойка, которая «выражает антиимпериалистические, антифеодальные, демократические и социалистические идеалы и устремления различных слоев трудящихся» в странах, «находящихся на докапиталистической или раннекапиталистической стадиях развития»³⁶.

В документах Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. утверждалось, что политической формой деятельности революционной демократии является государство национальной демократии. Государство национальной демократии — это «государство, последовательно отстаивающее свою политическую и экономическую независимость, борющееся против империализма и его военных блоков, против военных баз на своей территории; государство, борющееся против новых форм колониализма и проникновения империалистического капитала; государство, отвергающее диктаторские и деспотические методы правления; государство, в котором народу обеспечены широкие демократические права и свободы (свобода слова, печати, собраний, демонстраций, создания политических партий и общественных организаций), возможность добиваться проведения аграрной реформы и осуществления других требований в области демократических и социальных преобразований, участия в определении государственной политики»³⁷.

Авторы монографии «Африка: проблемы социалистической ориентации» писали более определенно: «национально-демократическое государство — государство переходное к социалистическому типу». Они считали такое государство единственной политической формой социалистической ориентации³⁸. В других случаях его называли «наиболее распространенной» политической формой социалистической ориентации (другой считалась, например, ливийская джамахерия)³⁹.

---

³⁶ Африка: проблемы социалистической ориентации / под ред. Г.Б. Старушенко. М.: Наука, 1976. С. 27.

³⁷ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М.: Госполитиздат, 1961. С. 67–68.

³⁸ Африка: проблемы социалистической... С. 22, 38.

³⁹ Африка. Энциклопедический справочник. С. 389.

Из приведенных определений очевидно, что по сути единственным осязаемым критерием «революционной демократичности» того или иного режима было его стремление проводить социалистическую ориентацию в жизнь. На практике признание того или иного государства страной социалистической ориентации зачастую определялось близостью его внешнеполитического курса к политике СССР и социалистического лагеря.

Проверка практикой и крах теории

Определить классовое содержание революционной демократии оказалось сложно. Африканист Г.Б. Старушенко писал, например, что «в начальный период некапиталистического развития национальное демократическое государство выражает и интересы национальной буржуазии, во всяком случае антиимпериалистической ее части»⁴⁰. «Революционные элементы национальной буржуазии» были названы — вместе с пролетариатом и крестьянством — среди демократических и патриотических сил, составляющих основу национально-демократического государства, и в коллективной монографии «Африка: проблемы социалистической ориентации»⁴¹. Р.А. Ульяновский придерживался сходного мнения. «Государство национальной демократии, — писал он, — ...правильно определять как политическую власть широкого социального блока трудящихся, в том числе и растущего пролетариата, мелкобуржуазных слоев города и деревни и элементов национальной буржуазии, выступающих за прогрессивное социальное развитие с антиимпериалистических позиций»⁴².

К.Н. Брутенц, однако, полагал иначе. Он писал, что революционные демократы зачастую учитывают «устремления определенных кругов национального предпринимательства», а некоторые даже вводят представителей этих кругов в состав своей «социально-коалиционной базы и в ее политическое представительство». По его мнению, это могло повести к тому, что они сами начинали проводить политику, отвечающую интересам буржуазии⁴³.

---

⁴⁰ Проблемы Африки. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1971. № 1. С. 48.

⁴¹ Африка: проблемы социалистической... С. 31–32.

⁴² Ульяновский. Р.А. Социализм и освободившиеся страны. С. 484.

⁴³ Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции. М.: Политиздат, 1974. С. 333–334.

Не внесли в эту проблему ясности и основополагающие партийные документы. На Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорилось, например, что в освободившихся странах идет процесс внутреннего социального размежевания, причем характеризует его противоречие между «трудящимися массами» и «верхушкой национальной буржуазии»⁴⁴. Остальная часть буржуазии при этом не упоминалась.

Конкретное содержание некапиталистического развития тоже было предметом оживленной дискуссии, и подход советских теоретиков к этому вопросу менялся с течением времени. «Содержание некапиталистического развития состоит в создании ускоренным, революционным путем материальных, научно-технических, социальных и политических предпосылок для строительства социализма», — говорилось в коллективной монографии «Африка: проблемы социалистической ориентации»⁴⁵. Однако список реформ, которые должны были проводиться в странах социалистической ориентации, постоянно уточнялся. Авторы энциклопедического справочника «Африка» считали, например, что в странах социалистической ориентации «проводится курс на ликвидацию экономического и политического господства империалистических монополий и транснациональных корпораций, а также внутренней реакции — феодалов, племенной знати и проимпериалистической буржуазии; укрепляется государственный сектор — экономическая основа социалистической ориентации; поощряется кооперативное движение в деревне; осуществляются прогрессивные аграрные реформы, направленные на ликвидацию феодальной собственности, на создание условий для развития общественного сектора в деревне... Постепенно вводится планирование, внедряются другие институты социалистической экономики»⁴⁶.

Другие авторы добавляли к этим признакам «систематическое повышение жизненного уровня трудового народа» и «создание надежного аппарата защиты революционных завоеваний от

⁴⁴ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5–17 июня 1969 г. М.: Политиздат, 1969. С. 61–62.

⁴⁵ Африка: проблемы социалистической ... С. 18.

⁴⁶ Африка. Энциклопедический справочник. С. 389.

внутренних и внешних врагов»⁴⁷. Важными признаками социалистической ориентации считались, с одной стороны, «независимая» внешняя политика, с другой — «экономическое, политическое и культурное сотрудничество с социалистическими странами»⁴⁸. Во всех теоретических работах о соцориентации, как и в документах КПСС, подчеркивалось, что для ее успешного осуществления важны руководящая роль пролетариата, как своего, так и международного, и союз с социалистическими странами⁴⁹.

Анализ конкретной ситуации в разных странах социалистической ориентации показывал, однако, что далеко не весь набор этих признаков существовал в каждой из них. Некоторые лишь декларировали намерение проведения социалистически ориентированных преобразований, другие не делали и этого, но проводили дружественную по отношению к СССР политику. По словам авторов коллективной монографии «Африка: проблемы социалистической ориентации», «...признание государства страной социалистической ориентации» было «подобно дипломатическому признанию»⁵⁰, т.е. зависело от того, захочет ли Советский Союз признать его таковым. Практику же или подгоняли под теорию, выдавая желаемое за действительное, или попросту игнорировали.

Последние труды по соцориентации были опубликованы в середине 80-х годов прошлого века, но разочарование в ней началось в конце 1970-х. Даже создатели этой теории не могли не видеть, что, прия к власти, «национальные демократы» отнюдь не всегда спешили строить социализм в своих странах и, более того, иногдаправлялись с коммунистами, пытавшимися вести свою линию (как это произошло в Ираке и Египте, например). Те же, кто пытался следовать теории, делали это иногда такими методами, которые только компрометировали советскую пропаганду их «достижений». К тому же к концу 1970-х годов стало очевидно, что поддержка национально-освободительных движений, особенно военная, ставит под удар политику разрядки и возможность мирного сосуществования с Западом, а к большой войне СССР был не готов.

---

⁴⁷ Манчха П.И. Указ. соч. С. 32–33.

⁴⁸ См., например: Африка: проблемы социалистической... С. 18–19.

⁴⁹ См.: Международное совещание... С. 62–63; Развивающиеся страны... С. 28, 141 и др.

⁵⁰ Африка: проблемы социалистической...

Сомнения раньше всего возникли как раз у главных теоретиков. По сведениям О.А. Уэстада, автора авторитетного труда по истории холодной войны, в 1979 г. К.Н. Брутенц неоднократно писал заведующему Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономареву записки о том, что строительство социализма в странах третьего мира стало слишком «советским» проектом, а вклад самих строителей оставался минимальным. Причину он видел в мелкобуржуазной сути национальных демократов. Поддерживая их, СССР, по его мнению, укреплял силы, сдерживавшие следующую, социалистическую, ступень революции⁵¹. О том же нередко писали и говорили коммунисты из развивающихся стран и освободительных движений. Среди скептиков оказался и один из лидеров Южно-Африканской компартии, Джо Слово, не веривший в социалистический потенциал национальной демократии⁵². Но практическую политику СССР этот скептицизм изменил мало, а до академических кругов, не говоря уже о широкой общественности, он доведен не был.

К началу 1990-х годов теория соцориентации канула в лету, и те из авторов, кто пережил ее, не упоминают о ней вовсе или пишут с сожалением. Г.И. Мирский, один из главных специалистов по проблемам национально-освободительного движения, с 1958 г. бывший консультантом Международного отдела ЦК и работавший непосредственно под руководством Брутенца и Ульяновского, вспоминал, как его группа из пяти-шести человек неделями сидела в здании ЦК КПСС на Старой площади или на принадлежавшей ЦК загородной даче и составляла партийные документы по проблемам третьего мира, фрагменты выступлений Хрущева, Брежнева, Суслова, Микояна, Пономарева. «В 63 и 64 гг., например, — пишет он, — мы буквально месяцами не вылезали со Старой площади, работая над “Тезисами ЦК КПСС по проблемам национально-освободительного движения”... Масса времени уходила на... разработку тонких нюансов и дефиниций, таких как: народно-демократические и национально-демократические силы и партии, революционная демократия и националь-

---

⁵¹ Westad O.A. The Global... P. 284—285.

⁵² См., например: *Slovo J. A Critical Appraisal of the Non-capitalist Path and the National Democratic State in Africa // Marxism Today. 1974. Vol. 18. No. 6. P. 181, 186.*

ная демократия и т.п... Сейчас... я поражаюсь: сколько же времени и энергии ушло на составление абсолютно никому не нужных текстов, в лучшем случае банальных, а чаще просто фальшивых, не имевших никакого отношения к тому, что действительно происходило в странах Азии, Африки и Латинской Америки! Ведь буквально все наши прогнозы оказались ложными, все произошло совсем не так, как мы предполагали, основывая наш анализ на “гранитном фундаменте марксистско-ленинской теории”... Спрашивается: кого мы старались во всем этом убедить? Общественность развивающихся стран? Лишь считанные единицы из числа местных марксистов могли читать все это и верить в правоту наших рекомендаций (а если они им следовали, то тем хуже для этих стран). Нашу советскую публику? Ей эта проблематика была чужда и безразлична. И целые институты с огромным штатом сотрудников тратили немалые деньги на совершенно бесполезное дело»⁵³.

Многие зарубежные политологи и историки тоже считают, что советское идеологическое наследие безвозвратно кануло в прошлое: Запад выиграл не только холодную войну на севере, но и идеологическую войну на юге.

С этим утверждением трудно согласиться. У советских идеологов немало продолжателей. Южноафриканские коммунисты и Африканский национальный конгресс стали одними из самых последовательных среди них. В годы борьбы против апарtheidа они полагали, что национально-демократическая революция в их стране после победы перейдет непосредственно в социалистическую (один из двух вариантов национально-демократической революции, упомянутых Брутенцем). В энциклопедическом справочнике «Африка» отмечалось, что «переход к социализму непосредственно через социалистическую революцию, минуя или сокращая до минимума этап национально-демократической революции и социалистической ориентации на континенте, возможен (по мнению африканских коммунистов) только в Южной Африке, где лица наемного труда составляют более половины экономически активного населения... где сформировался более чем двухмиллионный пролетариат, возглавляемый ЮАКП. Но и здесь не исключается переходный период»⁵⁴.

---

⁵³ Мирский Г. И. Жизнь в трех эпохах. М.: Изд-во «Летний Сад», 2001. С. 179–182.

⁵⁴ Африка. Энциклопедический... С. 389.

Социалистическая революция не состоялась, по мнению многих в ЮАР, лишь потому, что АНК пришел к власти мирным путем, через переговоры. Национально-демократическая революция стала официальной политикой этой находящейся ныне у власти партии. Но с середины 1990-х годов по сию пору дебаты на левом фланге южноафриканского политического спектра определяются вопросом о том, как долго может и должен продлиться переходный период к социализму и каково должно быть его конкретное содержание: пора ли уже переходить к национализации земли и шахт, и если да, то в какой форме.

Влияние советской теории на мировидение южноафриканских политиков и теоретиков левого толка очевидно. Как же попала она в Южную Африку?

За радикальные преобразования и расовое равенство

В программе КПЮА, принятой в 1944 г. и дополнявшейся в 1947 и 1949 гг., ни национально-демократическая революция, ни национальная борьба, ни двухэтапная революция не упоминались. Целью партии провозглашалось «создание социалистической республики, основанной на общей собственности на средства производства и власти рабочего класса и обеспечивающей равные права и возможности для всех расовых и национальных групп». Программа утверждала, что причиной бедности миллионов южноафриканцев являлся тот факт, что шахтами, фабриками и фермами владеет «немалое меньшинство, которое контролирует государство в своих собственных интересах», но расовая принадлежность ни бедноты, ни меньшинства не уточнялась. Содержала программа и требование равенства политических и экономических прав всех групп населения, хотя при этом в ней говорилось и о необходимости «промышленного развития африканских резерватов». Требования ликвидации таких резерватов в ней не было. Не было речи и о национальном освобождении⁵⁵. На практике партия продолжала линию, предложенную ей Коминтерном в 1935–1936 гг.: заниматься насущными проблемами трудящихся, а не теорией.

---

⁵⁵ Constitution and Programme. Communist Party of South Africa. N.p., n.d. [1949]. P. 26–29.

Манифест Молодежной лиги АНК, к которой принадлежали тогда Нельсон Мандела и другие прославившиеся позже лидеры АНК, был написан в том же 1944 г. О расовых проблемах — вторжении белых в Африку и земельных захватах, расовом угнетении, необходимости сплочения на расовой основе, «национальном освобождении африканцев», уверенности в победе «дела африканца» — в этом документе говорилось много. Более того, явно в противовес идеям коммунистов, Манифест утверждал, что освобождение африканцев будет достигнуто только самими африканцами и отвергал «импортирование иностранных идеологий в Африку». АНК был назван в нем «национально-освободительным движением», и Молодежная лига призывала африканцев объединиться вокруг него и создать фронт национального единства, хотя и критиковала АНК за бездействие. Но ни о классах, ни о том, что должно прийти на смену существующему порядку после победы «африканца», в Манифесте не говорилось⁵⁶.

Радикальная Программа действий, принятая АНК под влиянием Молодежной лиги в 1949 г., содержала требование права африканцев на самоопределение и заявление о намерении АНК бороться за их «национальное освобождение». Однако «освобождение», по мнению авторов этого документа, заключалось во включении африканцев в существующие государственные структуры на основе полного равноправия, улучшении системы их образования, создании институтов для их культурного самовыражения и экономическом развитии резерватов и других африканских районов⁵⁷.

В 1955 г. Конгресс народа, организованный АНК и его союзниками, принял Хартию свободы, ставшую официальной программой АНК и до сих пор не утратившую этого статуса. Хартия была манифестом кардинального политического и социально-экономического переустройства страны на основе равенства всех расовых групп, а также национализации или перераспределения основных средств производства и установления государственного контроля над другими сферами экономики. В Хартии, в частности, говорилось, что «природные богатства недр, банки и промышленные монополии будут переданы в собственность всего на-

---

⁵⁶ ANC Youth League Manifesto — 1944 // ANC official website/ <http://www.anc.org.za/>.

⁵⁷ Programme of Action: Statement of Policy Adopted at the ANC Annual Conference 17 December 1949 // ANC official website / <http://www.anc.org.za/>

рода; вся прочая промышленность и торговля будут контролироваться в интересах благосостояния народа»; «...вся земля будет переделана между теми, кто ее обрабатывает»; «...государство будет помогать крестьянам инструментами, семенами, тракторами и плотинами», «...все смогут занимать землю там, где захотят», «...неиспользуемые жилые помещения будут переданы народу; рента и цены будут снижены»; «...бесплатное медицинское обслуживание и госпитализация будут доступны для всех»⁵⁸.

Как известно, правительство обвинило организаторов Конгресса в государственной измене и организовало суд над ними. Обвинение строилось на том, что Хартия — коммунистический документ, а законом 1950 г. коммунистическая деятельность была запрещена. Коммунисты же утверждали, что хотя Хартия и призывает к проведению некоторых мер социалистического характера, она не содержит призыва к национализации всей промышленности и установлению государственного контроля над всей торговлей, а потому не является коммунистическим документом⁵⁹. Мандела писал даже, что воплощение Хартии в жизнь приведет к расцвету капитализма. «При социализме, — утверждал он, — вся власть принадлежит рабочим, а средства производства находятся в их руках и в руках крестьян». Хартия же призывает передать власть «всему народу, т.е. рабочим, крестьянам, людям свободных профессий и мелкой буржуазии». Национализация, предлагаемая Хартией, продолжал он, «нанесет смертельный удар по финансовым и золотодобывающим монополиям и интересам фермеров, которые веками грабили страну... Впервые в истории этой страны неевропейская буржуазия получит возможность иметь собственность под своим именем и право на заводы и фабрики, и торговля и частные предприятия будут процветать, как никогда прежде»⁶⁰.

Вряд ли Мандела не знал, что «рабочие, крестьяне, люди свободных профессий и мелкая буржуазия» — это далеко не весь народ (тем более что по марксистской терминологии «мелкая буржуазия» — это и есть крестьяне) — и что даже в СССР кое-какая частная собственность сохранялась, тем более в социалистических

---

⁵⁸ The Freedom Charter. Adopted at the Congress of the People, Kliptown, on 26 June 1955 // ANC official website / <http://www.anc.org.za/>

⁵⁹ См., например: New Age. 17.11.1957.

⁶⁰ Mandela N. In our Lifetime // Liberation. 19.06.1956.

странах Восточной Европы. Трудно сказать, писал ли он статью с этими идеями по убеждению или с конспиративными целями. Как бы то ни было, суд, осведомленный в делах теории и практики социализма куда хуже Манделы, с его логикой согласился. На основании этой статьи и выступлений Манделы обвиняемые были признаны невиновными.

Кажется, это единственное решение суда эпохи апарtheidа, которое и в ЮАР, и за ее пределами до сих пор считается справедливым, хотя в более поздних документах АНК и ЮАКП говорилось, что программа Хартии выходит за рамки не только «буржуазной демократии», но даже и «национальной демократии». Так, Сиса Маджола (очевидно, псевдоним) писал в журнале ЮАКП «African Communist» в 1987 г., что «Хартия свободы — это программа народной демократии (а под “народом” мы подразумеваем рабочий класс, крестьянство, прочую революционную мелкую буржуазию и демократическую интеллигенцию), и демократическая республика, созданная на ее базе, выйдет за рамки классического понимания “буржуазной демократии” (которое подразумевает власть буржуазии)». Он объяснял, что «к тому есть две причины. Первая — это то, что рабочий класс будет лидирующей силой в новом государстве, и что он использует это стратегическое положение таким образом, что революция будет на пользу ему, а не буржуазии. Хартия свободы уже сама выражает это понятие, когда она обещает контроль над всей остальной промышленностью на пользу народу. Таким образом, Хартия свободы ограничивает право буржуазии производить и торговать, как ей захочется, она ограничивает это право, а это однозначно выражает политическую волю тех, кто до сих пор был жертвами буржуазной эксплуатации. Во-вторых, успешное воплощение демократической программы и стабильность новой республики будут зависеть от искусного сочетания давления вооруженного рабочего класса на правительство как сверху, так и снизу, с целью претворения в жизнь дальнейшей революционной трансформации»⁶¹.

По крайней мере один видный деятель ЮАКП, Бен Тюрок, признал, что он был автором экономической части Хартии⁶². Но

---

⁶¹ Majola S. The Two Stages of our Revolution // African Communist. 1987. No. 110. 3rd Quarter. P 46.

⁶² Turok B. Calm Down. The ANC Is Not About to Seize Mines // The Times. 18.07.2009. См. также: Turok B. From the Freedom Charter to

даже если считать Хартию документом, не имеющим никакого отношения к социализму, для нас здесь важно другое. По содержанию Хартия значительно ближе к программе КПЮА 1944 г., чем к какому бы то ни было из более ранних или более поздних документов АНК. В ней, как и в программе КПЮА, нет упоминания о национально-освободительной борьбе, национальном угнетении и национальном освобождении; нет и упоминания АНК как национально-освободительного движения. Как и в программе КПЮА, в Хартии есть только призыв к полному равенству всех расовых групп и к радикальному социальному переустройству общества.

«Колониализм особого типа» и национально-демократическая революция

Следующая программа компартии — воссозданной в подполье наследницы КПЮА Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП) — появилась в 1962 г. Это документ совершенно новый как по характеру, так и по содержанию. Уже название его говорило о многом: «Путь к свободе Южной Африки». В первом же предложении программы говорилось о том, что Южная Африка — это колониальная страна, а потому «непосредственной и первой задачей Южно-Африканской коммунистической партии является работа по созданию единого фронта национального освобождения»⁶³.

Авторы утверждали, что борьба африканских народов против колониализма и империализма являлась основой африканской национально-демократической революции. «В настоящее время, — полагали они, — нужды народа в большинстве регионов Африки лучше всего может удовлетворить создание государств национальной демократии как переходной ступени к социализму». «Минимум основных черт государства национальной демократии, — говорилось в программе, — был определен декларацией 81 марксистской партии в декабре 1960 г.». Далее в ней цитирова-

---

Polokwane: the Evolution of ANC Economic Policy. Johannesburg: Institute for African Alternatives and the Africa Institute, 2008.

⁶³ The Road to South African Freedom. Programme of the South African Communist Party // The African Communist. 1963. Vol. 2. No. 2. January—March. P. 24.

лось приведенное выше определение государства национальной демократии, принятое на Совещании коммунистических и рабочих партий 1960 г. «Такое государство, — утверждали авторы, — обеспечит наиболее благоприятные условия для развития по не-капиталистическому пути к социализму»⁶⁴.

Место Южной Африки в африканской революции — особое, поскольку колониализм в ней тоже особый. Понятие «колониализм особого типа» появляется в программе впервые. При таком колониализме «угнетающая белая нация занимает ту же территорию, что и угнетенные, и живет с ними бок о бок»⁶⁵. Однако рецепт борьбы против этого особого колониализма был все тот же: национально-демократическая революция, которая ликвидирует господство белых и установит государство национальной демократии. «Главным содержанием этой революции, — продолжали авторы, — будет национальное освобождение африканского народа... Крушение колониализма и достижение национального освобождения — это основное условие и ключ к продвижению к главной цели Коммунистической партии: созданию социалистической Южной Африки, которая заложит основы бесклассового коммунистического общества»⁶⁶. Руководящей силой национально-освободительной революции в документе назван рабочий класс, который составлял, по мнению авторов, костяк и АНК, и ЮАКП⁶⁷.

Впервые в официальном документе ЮАКП говорилось о том, что «патриоты и демократы возьмутся за оружие», создадут «партизанские армии» и будут совершать «различные акты вооруженного сопротивления, которые завершатся массовым восстанием против белого господства». «Коммунистическая партия, — утверждали авторы, — считает лозунг “ненасилия” вредным для дела демократической национальной революции на новой стадии борьбы». В то же время в программе отвергался индивидуальный террор и осуждались утверждения о том, что «ненасильственные методы борьбы бесполезны или невозможны»⁶⁸.

---

⁶⁴ The Road to South African Freedom. Programme of the South African Communist Party // The African Communist. 1963. Vol. 2. No. 2. January—March. P. 37–38.

⁶⁵ Ibid. P. 24, 43.

⁶⁶ Ibid. P. 26–27.

⁶⁷ Ibid. P. 52, 62.

⁶⁸ Ibid. P. 63.

В программе говорилось о полной поддержке партией Африканского национального конгресса как национально-освободительной организации, а также о поддержке Хартии свободы. Хартия, утверждали авторы, «не является программой построения социализма», но «призывает к глубоким экономическим переменам», которые «удовлетворят насущные нужды народа и заложат необходимое основание для продвижения нашей страны по некапиталистическому пути к коммунистическому и социалистическому будущему». «Партия считает Хартию свободы, — говорилось в программе, — подходящей общей декларацией целей для государства национальной демократии»⁶⁹.

Многие положения этой программы буквально повторяют текст советских документов по национально-освободительному движению. И определение государства национальной демократии, и связь национально-демократической революции с созданием базы для построения социализма, и определение руководящих и движущих сил этой революции — все эти положения являются почти дословным пересказом документов Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. или прямой цитатой из них.

Из этого ряда выбивается только идея колониализма особого типа. Ее происхождение не вполне ясно. Некоторые южноафриканские коммунисты считают ее развитием лозунга независимой туземной республики. В переписке видного теоретика партии Джека Саймонса с коммунистом Джоном Пуле Мотшаби связь этих двух понятий упоминалась как нечто само собой разумеющееся⁷⁰. Эдди Малока, единственный южноафриканский историк, работавший с лондонскими архивами ЮАКП, позже исчезнувшими, также недвусмысленно связывал колониализм особого типа с туземной республикой, хотя и писал, что эта идея была не просто развитием коминтерновской резолюции, «но и ответом на те отношения, которые сложились у партии, особенно в Трансваале, с национальным движением в ходе борьбы в 1940-е — 1950-е гг.»⁷¹.

У идеи колониализма особого типа мог быть и другой источник. В своей нашумевшей книге «Бремя черного человека», из-

---

⁶⁹ Ibid. P. 62, 64.

⁷⁰ UCT Archives and Manuscripts Department. The Simons Collection. BC 1081. P. 5.1.

⁷¹ Maloka E. The South African Communist Party. 1963–1990. Pretoria: Africa Institute of South Africa. Research Paper. 2002. No. 65. P. 3.

данной в 1944 г., Леопольд Маркард, известный южноафриканский либерал и президент совета Южноафриканского института расовых отношений, представил «белую» Южную Африку колониальной державой, а африканские резервации — территории ЮАР, «зарезервированные» за африканским населением, — колониями⁷².

В отчете ЦК КПЮА последней легальной национальной конференции партии в январе 1950 г. говорилось: «Отличительной чертой Южной Африки является то, что она сочетает в себе черты как империалистического государства, так и колонии в рамках единого неразделимого географического, политического и экономического целого». Только вывод из этого положения партия делала тогда иной. Поскольку «в Южной Африке неевропейское население, низведенное до положения колонизованного народа, не имеет ни своей собственной территории, ни независимого существования, но почти полностью интегрировано в политические и экономические институты правящего класса», его освобождение, по мнению авторов, могла принести только социалистическая революция, а не национальная⁷³.

Как бы то ни было, по словам Малоки, «наиболее четко» термин «колониализм особого типа» был «выражен Майклом Хармелом и Расти Бернстейном, ведущими теоретиками партии»⁷⁴. В программе ЮАКП 1962 г. положение о колониализме особого типа было сформулировано в окончательном виде и связано с необходимостью национально-демократической — не социалистической — революции, подразумевавшей борьбу против колонизаторов и победу над ними. Такое незначительное, казалось бы, изменение тезиса имело далеко идущие последствия. До этого Южная Африка воспринималась как страна с единым обществом; с этого времени борьба должна была вестись не за равенство в рамках единого общества — капиталистического или социалистического, — не за ликвидацию цветного барьера, но за избавление этого общества от одной его части — «колонизаторов».

---

⁷² Burger J. (L. Marquard). *The Black Man's Burden*. London: Victor Golancz Ltd., 1944. P. 250–252.

⁷³ South African Communists Speak. Documents from the History of the South African Communist Party. 1915–1980. London: Inkululeko Publications, 1981. P. 201 et al.

⁷⁴ Maloka E. Op. cit. P. 3.

В практическом отношении это означало, что Резолюция ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам могла применяться и к Южной Африке со всеми вытекающими из этого положения последствиями. В марте 1966 г. Н.Т. Федоренко — советский постоянный представитель при ООН — писал, что «Советский Союз поддерживает использование самых решительных мер, включая силу, против южноафриканского правительства, чтобы обязать его применять принципы Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам в Юго-Западной Африке»⁷⁵. Если Южная Африка была колонией, то «использование самых решительных мер, включая силу», было допустимо и оправдано и для ее деколонизации.

Провозглашение Южной Африки колонией, а провозглашение Хартии — программой национально-демократической революции выстраивало отношения между ЮАКП и АНК в простую схему: АНК — национально-освободительное движение — осуществляет национально-демократическую революцию, а ЮАКП поддерживает и направляет ее в силу своей передовой идеологии и в силу того, что ее члены — передовой отряд рабочего класса. После воплощения в жизнь идеалов национально-демократической революции ЮАКП строит социализм. Джо Слово писал, что ни перераспределение земли, ни национализация не гарантируют автоматического продвижения к социализму. Настоящим национально-демократическим государством, «вставшим на некапиталистический путь, ведущий к социализму», он считал только такое государство, в котором программу национально-демократической революции выполняет стоящий у власти «революционный блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии»⁷⁶. Но при любых интерпретациях и уточнениях в глазах ЮАКП и многих членов АНК связь понятий национально-демократическая революция и национально-демократическое государство с социалистической перспективой оставалась неразрывной.

В сущности программа ЮАКП 1962 г. создала основу того теоретического багажа, которым руководствовались и ЮАКП, и — в большой степени — АНК на протяжении десятилетий борьбы

---

⁷⁵ Soviet News. 25.03.1966.

⁷⁶ *Slovo J. A Critical Appraisal...* P. 181, 186.

против апартхейда и которым они живут до сих пор. Как отмечалось в следующей программе ЮАКП, принятой 27 лет спустя, «...программа 1962 г. внесла неизгладимый вклад в научный анализ ситуации в Южной Африке и в практическую революционную работу по национальному освобождению. На протяжении более чем четверти века борьбы она была светочем, вдохновлявшим работу как партийных, так и беспартийных активистов-радикалов»⁷⁷.

Что же привело к такому изменению видения южноафриканской ситуации левыми силами страны между 1955 и 1962 гг.? Период конца 1950-х — начала 1960-х годов стал для истории страны судьбоносным. Запрет АНК радикализировал его руководителей и сблизил их с руководством ЮАКП. Это повело к началу вооруженной борьбы и установлению прямых отношений с КПСС, которые в свою очередь оказали глубочайшее влияние на теоретическое осмысление ситуации в ЮАР как Южно-Африканской компартией, так и Африканским национальным конгрессом.

Если материалы Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. только цитировались в программе ЮАКП, то материалы Совещания 1969 г. были опубликованы в специальном приложении к «*African Communist*» практически полностью⁷⁸. В том же 1969 г., хотя и до Совещания, на конференции в Морогоро (Танзания) АНК принял новый программный документ «Стратегия и тактика АНК», повторявший основные положения программы ЮАКП 1962 г. Документ открывался словами: «Борьба угнетенного народа Южной Африки происходит в международном контексте перехода к социалистической системе, распада колониальной системы в результате национально-освободительных и социалистических революций и борьбы народа всего мира за социальный и экономический прогресс. Мы — в Южной Африке — принадлежим к региону, в котором национальное освобождение является основным содержанием борьбы». Далее в документе говорилось: «Социальная и экономическая структура Южной Африки и отношения, которые она создает, возможно, уникальны... Делает эту структуру уникальной и усложняет ее тот факт, что эксплуатирую-

---

⁷⁷ The Path to Power. Programme of the South African Communist Party adopted at the 7th Congress, 1989 // *African Communist*. 1989. No. 118. 3rd Quarter. P. 73–74.

⁷⁸ The Path to Power...

щая нация проживает на этой территории, а не на географически отдаленной родине, как в случае классических отношений империализма»⁷⁹.

В резолюции говорилось: «Основным содержанием нынешней ступени южноафриканской революции является национальное освобождение самой большой и наиболее угнетаемой группы — африканского народа». Однако эта национальная борьба «происходит в другом мире... в мире, где горизонты освобождения от иностранного господства простираются за пределы формального политического контроля и включают элемент, который делает такой контроль значимым — экономическое освобождение»⁸⁰.

Те, кто знаком с марксистской терминологией, знают, что под «экономическим освобождением» подразумевается социализм. В документе говорится: «...фундаментальной чертой нашей стратегии является то, что победа должна принести больше, чем формальную политическую демократию». «Наше стремление к национальному освобождению самым реальным образом связано с экономическим освобождением..., — продолжают авторы документа, — а быстрый переход от формальной свободы к подлинному и долговременному освобождению становится более реальным благодаря существованию в нашей стране большого и растущего рабочего класса, чье классовое сознание совпадает с национальным сознанием»⁸¹.

Морогорская резолюция, как и программа ЮАКП 1962 г., утверждала, что вооруженная борьба — единственный оставшийся для АНК метод борьбы, хотя она и подчинена политической цели. Такой целью, по словам документа, «на первой фазе является полное политическое и экономическое освобождение нашего народа и создание общества, которое соответствует основным пунктам нашей программы — Хартии свободы»⁸².

Все основные элементы программы ЮАКП на этой конференции АНК были приняты: колониализм особого типа; нацио-

---

⁷⁹ Strategy and Tactics of the ANC, adopted by the Morogoro Conference of the ANC, Tanzania, 25 April — 1 May 1969 // <http://www.anc.org.za/show.php?doc=ancdocs/history/keydocs.html>

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

нально-демократическая революция как первая из двух стадий революционного процесса, экономическое освобождение — как вторая стадия или как развитие первой; Хартия свободы как программа национальной демократии; пролетариат как ведущая сила национально-демократической революции. Похоже, правда, что в конце документа авторы смешали две ступени в одну: ведь если экономическое освобождение достигнуто уже во время первой ступени, то за что же бороться во время второй? Возможно, однако, что эта фраза — результат не ошибки, а искренней убежденности авторов в том, что национально-демократическая революция в ЮАР, едва начавшись, неизбежно перейдет в социалистическую.

Следующая программа ЮАКП «Путь к власти» была принята в 1989 г., но и суть, и буква теории в ней остались прежними, несмотря на перемены, произошедшие к тому времени в ЮАР, в мире и в СССР. Она лишь дала значительно более развернутую характеристику каждого из выработанных в начале 1960-х годов положений⁸³. Это имело решающее значение в переходный период конца 80-х годов. Так, от ответа на теоретические вопросы о том, была ли Южная Африка колонией или нет и что является коначной целью национально-демократической революции, зависела позиция АНК на переговорах с правительством и то, кому и на каких условиях будет передана власть, а главное — политика АНК и его союзников после прихода АНК к власти.

Те подходы к национально-демократической революции, которые вырабатывались советскими теоретиками в начале 60-х годов прошлого века, до сих пор составляют основу политики правящей партии ЮАР. Блэйд Нзиманде писал об этом в 2011 г.: «Как говорили Оливер Тамбо, Нельсон Мандела, Крис Хани и многие другие лидеры, мы никогда не боролись за то, чтобы заменить белую элиту на черную. Мы боролись не за то, чтобы заменить белый капиталистический класс на черный капиталистический класс. Нет, мы боролись за полное уничтожение всех условий и рычагов угнетения одной группы другой. Эти слова... были сказаны не только о той фазе борьбы, когда они были произнесе-

---

⁸³ Strategy and Tactics of the ANC, adopted by the Morogoro Conference of the ANC, Tanzania, 25 April — 1 May 1969 // <http://www.anc.org.za/show.php?doc=ancdocs/history/keydocs.html>

ны. Они отразили суть национально-демократической революции в то время, сегодня и в будущем... Именно по этой причине мы говорили о нашей национально-демократической революции, как об освобождении всех чернокожих вообще и африканцев в частности, как о национально-освободительном движении, но с уклоном в пользу рабочего класса. Такая характеристика нашей НДР недавно была подтверждена на конференции в Полокване⁸⁴ и на конференции Национального генерального совета АНК⁸⁵ в Дурбане»⁸⁶.

---

⁸⁴ Национальная конференция АНК в Полокване в декабре 2007 г.

⁸⁵ Конференция Национального генерального совета АНК в Дурбане в сентябре 2010 г.

⁸⁶ *Nzimande B. Building working class hegemony through the forthcoming local government elections. Umsebenzi Online /* <http://www.sacp.org.za/list.php?type=Umsebenzi%20Online&year=Vol. 10. No. 5. 2.03.2011.>

«Красная опасность» и «тотальное наступление»: СССР в идеологии и политике ЮАР в 1960–1980-е годы

Для советских политиков ЮАР была лишь одним из фронтов борьбы против империализма. Но в идеологическом мире творцов доктрины апарtheidа и в политике южноафриканского правительства СССР занимал совершенно особое, уникальное и чрезвычайно важное место.

Истоки и эволюция идеи «красной опасности»

Африканерские националисты считали социалистов и коммунистов своим противником со времени появления социалистического движения в Южной Африке во время Первой мировой войны. Филип Нел, южноафриканский советолог конца 1980-х — начала 1990-х годов, писал, что антисоциализм был ответом африканерских националистических политиков и правительства на радикализацию рабочего движения в 20–30-е годы прошлого века. По его словам, они считали, что марксизм как идеология и коммунизм как политическая система противоположны и враждебны самому существованию африканерской нации. Основой марксизма является классовая борьба, что подразумевает разделение нации по классовому признаку. В глазах африканерских националистов такое разделение ослабляло африканерский народ — «die volk» — перед «черной опасностью». Интернационализм коммунистов и поддержка ими эксплуатируемых и угнетенных превращали их в союзников черного населения, а это в глазах африканеров было главной угрозой самому их существованию. Более того, африканерам казалось, что коммунистическая агитация ухудшает расовые отношения в стране, натравливая черное население на белых. К тому же коммунисты были «без-

божниками» — понятие, совершенно неприемлемое для глубоко религиозных африканеров⁸⁷.

В первые месяцы после большевистской революции 1917 г. антиимпериалистическая позиция коммунистов импонировала африканерам из-за их противостояния империализму вообще и английскому империализму в частности. Но в целом африканеры ассоциировали себя с Западом, с Европой — по происхождению, по религии, по глубоко укоренившемуся уважению к частной собственности. Политика Коминтерна, направленная на распространение и поддержку коммунистических партий по всему миру, в том числе и в Южно-Африканском Союзе, неразрывно связала в умах африканеров коммунистическую угрозу с Россией и СССР. Уверенность в том, что коммунизм губителен для африканерской нации сформировалась в умах лидеров африканерской Национальной партии (НП), как и южноафриканских правящих кругов в целом, после того как в марте 1922 г. забастовка белых шахтеров Витватерсранда в Трансваале переросла в восстание. Образованная лишь за год до этого Коммунистическая партия (членами которой тогда были в основном белые) играла в восстании важную роль.

По словам историка Вессела Фиссера, последовательное противостояние идеологов африканерского национализма коммунизму началась со второй половины 1930-х годов с распространением интернациональных идей в профсоюзной среде, в первую очередь среди африканерских профсоюзов, таких как Союз шахтеров и Союз работников швейной промышленности⁸⁸.

Особую роль в создании и упрочении антикоммунистической доктрины сыграла Голландская реформатская церковь. В 1937 г. руководство Церкви создало комиссию, которой было поручено разобраться в деятельности коммунистов в южноафриканских профсоюзных организациях. Результаты ее работы были обнародованы в брошюре профессора теологии и священника Х.П. Вольмаранса в 1939 г. Он писал, что некоторые южноафрикан-

⁸⁷ Nel P. Perceptions, Images and Stereotypes in Soviet-South African Relations— A Cognitive-Interpretative Perspective. *Annale*. 1992/4. Stellenbosch: University of Stellenbosch. P. 27, 29.

⁸⁸ Visser W. The Production of Literature on the «Red Peril» and «Total Onslaught» in the Twentieth-Century South Africa // *Historia*. Vol. 49. No. 2. November 2004. P. 107–111.

ские профсоюзы вступили в сговор с «освященным Москвой» народным фронтом, чтобы распространять коммунизм, и что эти «просоветские» организации планируют отдать Южную Африку русским. Священник Голландской реформатской церкви А.Дж.Г. Ойстхёйзен писал в 1938 г. о коммунизме, как об «опасной идеологии русской безбожности», целью которой было внести раскол между африканерами — рабочими и предпринимателями. Советский Союз, по его мнению, стоял в центре «коммунистического зла», поскольку оттуда шло распространение мировой революции, направляемое Красной армией. В Южной Африке, писал он, коммунисты ставили своей целью уничтожение религии, конфискацию частной собственности, свержение правительства и создание черной республики⁸⁹.

Эти взгляды начали тиражироваться в публикациях африканерских лидеров и популярных африканерских журналах самых разных националистических направлений. Со сходными идеями выступал, например, Ф.Дж. фан Ренсбург, лидер фашистского африканерского движения Оссева—Брандвах. В 1943 г. Эрик Лоу, один из главных идеологов Национальной партии, издал брошюру «Коммунистическая опасность в Южной Африке». В ней говорилось, что коммунистическая идеология представляла угрозу существованию белой цивилизации и христианства в Южной Африке, поскольку коммунисты проповедовали расовое равенство и смешение рас⁹⁰. В 1948 г. Лоу стал министром иностранных дел и инициатором разрыва консульских отношений с СССР, установленных в годы войны.

В октябре 1946 г. Голландская реформатская церковь созвала церковный собор, посвященный коммунизму. На соборе была основан Антиком — Антикоммунистическая комиссия, главной целью которой стала борьба с коммунизмом и коммунистическим образом жизни. В ее деятельности принимали участие наиболее влиятельные африканерские политики, ученые, деятели культуры и церкви⁹¹.

При всей нетерпимости африканерских националистов к коммунистической идеологии и коммунистам до конца Второй

---

⁸⁹ Visser W. The Production of Literature on the «Red Peril» and «Total Onslaught» in the Twentieth-Century South Africa // Historia. Vol. 49. No. 2. November 2004. P. 108–109, 111.

⁹⁰ Ibid. P. 110.

⁹¹ Ibid. P. 112–113.

мировой войны наша страна не стояла в центре их идеологических построений. Большевистская Россия была далека и слаба, Коммунистическая партия Южной Африки была слаба и малопопулярна и за исключением короткого периода в конце 1920-х годов не связана с АНК. Да и само африканское национальное движение не особенно беспокоило африканерских националистов: оно было весьма умеренным и не имело массовой поддержки.

Но с окончанием войны и приходом в 1948 г. Национальной партии к власти ситуация изменилась. Началась холодная война, и теория «красной опасности» удобно вписалась в нее и заняла центральное место в идеологии и политике правящей партии. Международный аспект придавал антисоветской политике националистов стройность и респектабельность законченной доктрины.

К 1949 г. Объединенный штаб планирования английской армии разработал новую военную доктрину, в которой Советский Союз был назван единственной страной, угрожавшей интересам Великобритании и США. С ней не исключена была возможность новой войны. Обоснованием этой доктрины служила убежденность авторов в том, что СССР стремился распространить коммунизм по всему миру, в том числе и на Южную Африку — основной источник хрома, марганца, ванадия и платины для Запада и важную военно-воздушную и морскую базу. В документе подчеркивалось, что Южная Африка была бы особенно важна в случае утраты контроля над Ближним Востоком и Северной Африкой в результате нападения СССР. И сама доктрина, и конкретные планы «региональной обороны Африки» обсуждались правительствами США, Великобритании и ЮАС в марте 1949 г.⁹²

Южная Африка становилась важным партнером Запада в холодной войне. В 1950 г. был принят закон о подавлении коммунизма, КПЮА была запрещена (партия самораспустилась до запрета). В том же году Пит Мейер, позже ставший главой Южно-Африкан-

⁹² National Department of Defence. Military Intelligence Archives, MV/EF. Vol. 1. March 1949–September 1950. Discussions between UK, US and Union Governments. Regional Defence of Africa, 22 March 1949. P. 1. *Ndlovu S.M. The Western Superpowers and the Liberation Struggle in Africa: The Politics of Domination and Resistance. 1948–1990. Paper presented at the Workshop Liberation Struggles in Southern Africa: New Perspectives. UCT, 2008. P. 1.*

ской радиовещательной корпорации, опубликовал брошюру, в которой доказывалось, что каждый шаг КПЮА определялся и диктовался Москвой. Он полагал, что советское консульство в Претории было тем центром, откуда шла коммунистическая угроза⁹³. В 1956 г. ЮАС разорвал консульские отношения с СССР, установленные в 1942 г.

1960 г. стал рубежом и для Южной Африки, и для советской политики по отношению к ней. Это был год Африки, когда 17 стран континента провозгласили свою независимость. В ЮАС же в этом году были расстреляны мирные демонстрации в Шарпевиле и Ланге и запрещены АНК и отколовшийся от него раньше Панафриканистский конгресс (ПАК). Это событие шокировало Запад и привлекло внимание советского руководства. Именно в этом году были восстановлены прямые отношения между ЮАКП и КПСС, и это не было простым совпадением. На протяжении 60-х годов Генеральная Ассамблея ООН приняла целый ряд резолюций, осуждавших действия правительства ЮАР и требовавших предоставления независимости Юго-Западной Африке, оккупированной Южно-Африканской Республикой. Проекты многих из этих резолюций вносились СССР или по его инициативе и проводились большинством голосов, состоявшим из представителей стран Восточной Европы и третьего мира. Мобилизация общественного мнения против политики апарtheidа, активная антирасистская пропаганда, поддержка АНК, в том числе его вооруженной борьбы, — все это в глазах идеологов и лидеров африканерского национализма только подтверждало тот факт, что СССР выбрал Южную Африку главной целью своих планов установления мирового коммунистического господства.

В 1964 г. Антиком провела конгресс на тему «Христианство против коммунизма», в котором участвовали 2,5 тыс. делегатов. Докладчики соревновались друг с другом в описаниях ужасов коммунизма, говорили о том, что главная цель коммунизма в Южной Африке — проникновение коммунистов в церковные, молодежные и образовательные институты, а также в прессу с целью превращения их в «орудия коммунистической революционной пропаганды». В 1966 г. состоялся Международный симпозиум по коммунизму, на котором председательствовал Дж.Д. Форстер, брат Б.Дж. Форстера, одного из отцов апарtheidа. В 1968 г. прошел

---

⁹³ Visser W. Op. cit. P. 113.

еще один симпозиум. На нем Дж.Д. Форстер нападал на либерализм за его терпимость по отношению к коммунизму, на декадентское искусство и новые веяния в африканерской литературе⁹⁴.

В стране публиковалось множество пропагандистских материалов, разоблачающих коммунизм. По большей части это были небольшие брошюры, в популярной форме объяснявшие, как коммунисты раздувают войну, угнетают свое собственное население, запрещают церковь, морально и политически растлевают западную молодежь. В основном это была литература на языке африкаанс, выпускавшаяся африканерами и для африканеров⁹⁵. Все это создавало атмосферу нетерпимости и истерии и оправдывало репрессии против коммунистов.

«Коммунистическое наступление» и «советская угроза»: 1960-е — начало 1970-х годов

С начала 1960-х годов, когда стало очевидным сближение АНК с компартией, началась вооруженная борьба, и в ходе суда над подпольщиками (Ривонийский процесс) выявились их надежды на помошь иностранных держав в свержении правительства, у разработчиков идеи «красной опасности» появилась куда более реальная и богатая почва для утверждений о существовании в ЮАР коммунистического заговора. Они были уверены, что главная проблема Южной Африки заключается не в расовой дискриминации и невыносимом положении большинства ее населения, а в том, что СССР стремится подчинить страну своему господству, используя южноафриканских коммунистов и АНК.

Этому, несомненно, способствовали некоторые высказывания лидеров АНК в изгнании. В своем выступлении на XXIV съезде КПСС в апреле 1971 г. вице-президент АНК Оливер Тамбо⁹⁶ сказал: «Именно под знаменем международной социалистической солидарности Африканский национальный конгресс ведет народные массы своей страны в бой навстречу революции за свержение

---

⁹⁴ Ibid. P. 112–113.

⁹⁵ См., например: *Malan G. Kommunisme ontmasker*. Silverton: Promedia Publikasies (edms.) Bpk, 1977.

⁹⁶ Президентом считался находившийся в заключении Нельсон Мандела, так что Тамбо был фактически главой АНК.

фашистского режима, за завоевание власти и строительство социалистического общества. Да здравствует великая партия Ленина! Могущественный СССР находится в центре мирового социалистического содружества народов и идет в авангарде борьбы за международное освобождение и мир во всем мире. Наш народ и Африканский национальный конгресс являются одним из важных отрядов мирового антиимпериалистического движения. Благодаря интернационалистской политике КПСС мы получаем поддержку своей борьбе»⁹⁷. Это выступление было приведено в парламенте ЮАР для обоснования тезиса о коммунистической угрозе⁹⁸.

Зловещая тень коммунистического заговора виделась руководству Национальной партии за каждой акцией оппозиции, молодежных и других общественных организаций и профсоюзов, если только они не были напрямую связаны с государственными структурами. В коммунистических симпатиях постоянно обвиняли, например, Национальный союз южноафриканских студентов (НУСАС). Особенно угрожающие звучали такие обвинения, когда они произносились в парламенте⁹⁹. А обвинения в коммунистических симпатиях члена парламента, лидера либеральной Прогрессивной партии Хелен Сузман¹⁰⁰ или ограничение в правах либерала и антикоммуниста Патрика Данканна¹⁰¹ создавали ощущение, что у руководства Национальной партии парапойя.

Запад внутренняя политика ЮАР интересовала в эти годы мало. После кризиса 1960 г. в стране наступило затишье, которое многие принимали за стабильность. Темпы роста экономики в 1960-е годы составляли в среднем 6% в год. Западные аналитики считали политическую стабильность и быстрый экономический рост ключом к решению внутренних проблем страны: потребности быстро развивавшейся экономики в квалифицированной рабочей силе и новых рынках сбыта должны были разрушить расо-

---

⁹⁷ XXIV Съезд КПСС. Бюллетень № 10. М., 1971. С. 54.

⁹⁸ Hansard. Vol. 37. 18.02.1972. 1366–1367.

⁹⁹ См., например: Ibid. Vol. 42 (Fourth Session — Fourth Parliament, 1973). 1509, 1568; Ibid. Vol. 43 (Fourth Session — Fourth Parliament, 1973), 5077.

¹⁰⁰ Например: Ibid. Vol. 43 (Fourth Session — Fourth Parliament, 1973). 3999, 5576.

¹⁰¹ Vign R. Liberals against Apartheid. Basingstoke, 1998. P. 158.

ые барьеры¹⁰². С конца 1940-х до середины 1970-х годов США и Англия считали Южную Африку своим главным партнером в южноафриканском регионе, хотя это партнерство и не было закреплено ее формальным членством в западных структурах безопасности. Настойчивость, с которой руководство ЮАР подчеркивало советскую угрозу не только и не столько своей стране, сколько в первую очередь Западу, объяснялась его стремлением к более тесному союзу со странами НАТО и к получению более активной политической и военной поддержки с их стороны.

С конца 1960-х годов главным аспектом советской угрозы представлялся рост активности и размеров советского ВМФ, особенно в Индийском океане. В многочисленных аналитических документах всерьез обсуждалась возможность блокирования Советским Союзом морского пути вокруг Африканского континента в районе территории ЮАР. Присутствие советского ВМФ в Индийском океане и советские базы на его побережье постоянно обсуждались в парламенте ЮАР. Мнения расходились только в том, контролирует ли уже СССР Индийский океан, или только еще устанавливает свое «колониальное» господство¹⁰³. Выступления представителей оппозиционной Объединенной партии (ОП) при этом мало чем отличались от выступлений их коллег из НП¹⁰⁴.

Ощущение советской угрозы увеличивало и присутствие в Атлантике и в Индийском океане советского тралевого флота, которому приписывались военные функции. Внося на рассмотрение парламента очередной законопроект, направленный против «коммунистического присутствия» в Южном полушарии, член парламента от Национальной партии говорил: «Эти так называемы траулеры закладывают навигационные мины... рядом с нашими территориальными водами, чтобы их потом использовали подводные лодки или для других целей. Они считывают все сведения о Южной Африке, которые только можно получить с помощью электронной разведки. Они читают наши радары, наши навигаци-

---

¹⁰² Spence J.E. Southern Africa in the Cold War // History Today, February 1999. P. 45.

¹⁰³ См., например: Hansard. Vol. 51 (First Session — Fifth Parliament, 1974). 2517–2518, 2623; Ibid. Vol. 56 (Second Session — Fifth Parliament, 1975). 4365.

¹⁰⁴ Ibid. Vol. 56 (Second Session — Fifth Parliament, 1975). 4625.

онные системы, наши радиокоммуникационные системы, частоты, координаты и т.д.». «По моему мнению, — продолжал он, — Европа и свободный мир окажут себе очень плохую услугу, если не примут во внимание эту угрозу в Индийском океане... Это угроза всей Африке, а также и Европе»¹⁰⁵.

Угроза, исходившая якобы от присутствия советского флота в Индийском океане, постоянно дебатировалась и на Западе, особенно в Англии, но за основу отношений с ЮАР принятая не была. Военные специалисты и в Англии, и в США сочли, что главной целью советского военно-морского присутствия в Индийском океане было политическое влияние, а не война с Западом. Но если СССР все же пойдет на военные действия против Запада (что крайне маловероятно), то, полагали они, ЮАР предоставит свои порты и базы союзникам и без формального подключения ее к западным структурам безопасности. Формальный союз с непопулярным режимом ЮАР они считали нежелательным¹⁰⁶.

После нефтяного кризиса 1973 г. руководство ЮАР стало особенно часто муссировать идею о том, что советская кампания против нее имеет целью лишение Запада стратегических полезных ископаемых, прежде всего платины, марганца, хрома и ванадия. Это также не привело к желаемому результату, но идея о том, что СССР отводит ЮАР центральную роль в глобальном противостоянии двух систем, все больше выкристаллизовывалась в умах творцов южноафриканской идеологии и политики.

С точки зрения руководства ЮАР политика разрядки только ухудшила ситуацию. Сентенции члена парламента от Национальной партии в этом отношении типичны: «Россия играет с политической разрядки, как кот с мышью. Эта концепция была рождена страхом ядерной войны как на Востоке, так и на Западе... Похоже, что теперь Америка стала мышью, потому что она совершенно слепа там, где дело касается целей России в мире, и чрезвычайно наивна, так как не принимает против нее никаких мер... Россия использует это отсутствие воли... и под прикрытием разрядки усиливает свою власть над земным шаром»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵ Hansard. Vol. 37. 18.02.1972. 1370.

¹⁰⁶ Spence J.E. Op. cit. P. 46.

¹⁰⁷ Hansard. Vol. 68 (Fourth Session — Fifth Parliament, 1977). 5900–5901.

Идеологи ЮАР постоянно подчеркивали двойственный характер разрядки: детант с Западом в сфере стратегических вооружений и торговли и мобилизация антиимпериалистических сил против того же Запада в третьем мире. «Советский Союз проповедует детант с Западом, но в Африке любой диалог между Югом и Черной Африкой клеймит как расистский заговор правительства Претории», — писал южноафриканский советолог Ян дю Плесси¹⁰⁸.

1976 год

Рубеж 1975–1976 годов имел особое значение в процессе формирования доктрины «тотального наступления». В ноябре — декабре 1975 г. СССР принял участие в размещении и вооружении кубинских войск в Анголе и оказал прямую военную поддержку правительству Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). «Советская угроза» вплотную приблизилась к границам ЮАР.

Последствия этого шага были важны и для СССР, и для Запада, и для ситуации в мире. Но для южноафриканского региона в целом и для ЮАР в частности они имели особенно важное значение. Советское военное присутствие в регионе резко возросло, что нанесло существенный удар по политике разрядки. АНК и Организация народа Юго-Западной Африки (СВАПО), боровшаяся за независимость Намибии, получили важное морально-политическое подспорье: вмешательство СССР на стороне МПЛА могло означать, что наша страна в нужный момент окажет поддержку и им. Чуть позже Ангола стала и важнейшей базой военных лагерей АНК и СВАПО, как и других освободительных движений южноафриканского региона, создававшихся и оснащавшихся с помощью стран Восточного блока, прежде всего СССР. Значимость этих организаций в мировосприятии властей ЮАР многократно возросла. Из разбросанных по миру «террористов» они превратились в опасное орудие Москвы.

Для южноафриканских идеологов советское вмешательство в регионе стало неоспоримым доказательством «тотального насту-

---

¹⁰⁸ *Du Plessis J. Soviet Strategy Towards Southern Africa. FAA Study Report. 1976. April. No. 1. P. 1 // Department of Foreign Affairs Archive. 1.50.6. 1976. Annexure Jacket.*

пления» или «натиска» СССР на ЮАР. В аналитическом обзоре советской стратегии на Юге Африки, подготовленном дю Плесси для Министерства иностранных дел в 1976 г., утверждалось, что Москва пытается преднамеренно раздуть вражду между черными и белыми на Юге Африки и что именно вмешательство СССР создало конфликтную зону в этом регионе. Целью СССР, по словам автора, была изоляция ЮАР и Родезии не только от остальной Африки, но и от их традиционных западных союзников в ООН. Дю Плесси писал: «Москва и, к сожалению, многие на Западе... считают Африканский национальный конгресс настоящим представителем народа Южной Африки... Но связь между ЮАКП и АНК совершенно очевидна, и очевидно, что Советский Союз следует той же политике, что и в Анголе: выбрать прогрессивные (т.е. промосковские) группировки, поддержать их необходимой помощью и пропагандой, ликвидировать реакционные силы (т.е. антикоммунистические) и представить их миру как “настоящих представителей народа”»¹⁰⁹.

В том же ключе была выдержана сводка событий на Африканском континенте за 1976 г., выпущенная Институтом африканских исследований Потчефстромского университета. «За последний год, — говорилось в ней, — Красный Медведь так успешно оседлал Юг Африки, что его все удлиняющаяся тень затмевает территорию от Индийского океана до Атлантического побережья... Марксистское кольцо, опоясывающее Африку, как и предвидел г-н Форстер... становится все более ясно выраженным с течением времени... Особое значение имеет тот факт, что все эти новые коммунистические партии в Африке [подразумеваются ФРЕЛИМО и МПЛА. — А.Д., И.Ф.] без исключения являются союзниками важных националистических революционных групп, таких как Патриотический фронт¹¹⁰, СВАПО и АНК Южной Африки...»¹¹¹.

Некоторые южноафриканские комментаторы отвергали идеологическую подоплеку советской политики на Юге Африки, считая ее лишь прикрытием военно-политической агрессии Советского государства. В брошюре «Советский Союз и угроза Южной

---

¹⁰⁹ Ibid. P. 2–4, 7.

¹¹⁰ Патриотический фронт Зимбабве.

¹¹¹ Africa: News and Comment. News digest and comment on African Affairs. Compiled by the Institute for African Studies. 1977. Vol. 3. No. 1. March 15. Potchefstroom University for Christian Higher Education. P. 1, 2.

Африке с применением обычных вооружений», изданной Южно-африканским институтом международных отношений, говорилось, например: «Внешняя политика Советского Союза диктуется прежде всего его стремлением к мировому господству, а не соображениями идеологии или международного коммунизма»¹¹².

Ангольский конфликт повлек за собой первое серьезное охлаждение между ЮАР и США. Причиной стало то, что в декабре 1975 г. Сенат США проголосовал против финансирования тайных военных операций в Анголе, в том числе и по сотрудничеству с ЮАР, как раз в тот момент, когда, казалось бы, у ЮАР были все основания рассчитывать на поддержку своего мощного союзника. С точки зрения правительства ЮАР это означало прямое предательство Запада, оставившего страну один на один с СССР. Разочарование в союзниках было настолько велико, что один из членов парламента от Национальной партии предложил даже подумать об установлении торговых отношений с самим дьяволом — социалистическим лагерем, чтобы уменьшить зависимость ЮАР от Запада. За что, естественно, подвергся проклятиям со стороны коллег и публики¹¹³.

В 1976 г. парламентские дебаты просто взрываются обвинениями в адрес СССР и Кубы в агрессии, а в адрес Запада — в слабости и неспособности ей противостоять. «Теперь уже всем должно быть ясно... что мы можем рассчитывать только на себя... Было бы глупо и нереалистично полагать, что Запад поможет гарантировать наше выживание... События в Анголе показали, насколько беспомощен и бессилен Запад перед лицом коварной стратегии русских», — говорил в своем выступлении в парламенте министр иностранных дел Г. Мюллер¹¹⁴. Была принята резолюция о том, что парламент «выражает серьезную озабоченность коммунистической агрессией, совершенной в Анголе Россией и Кубой с целью навязывания населению марксистского государства силой оружия против его воли»¹¹⁵.

---

¹¹² *McEwan C.B. The Soviet Union and the Conventional Threat to South Africa. A Strategic Analysis. The South African Institute of International Affairs. N.p., n.d. [Johannesburg, 1976] P. 1 // Department of Foreign Affairs Archives. 1.50.1. AJ 1976.*

¹¹³ *Hansard. Vol. 67 (Fourth Session — Fifth Parliament, 1977). 5019.*

¹¹⁴ *Ibid. Vol. 62 (Third Session — Fifth Parliament, 1976). 5428.*

¹¹⁵ *Ibid. Vol. 60 (Third Session — Fifth Parliament, 1976). 356.*

Опасения, что в случае военного конфликта с Москвой ЮАР останется в изоляции, привели и к более действенным мерам. Правительство вынесло решение завершить создание собственной атомной бомбы. Развитие атомной промышленности в ЮАР началось в 1949 г. при поддержке США, но оно не предусматривало создания атомного оружия. Задумываться о его создании южноафриканское правительство начало, очевидно, в 1960-х годах с началом военных операций Умкнто ве сизве, военного крыла АНК. Решение о разработках атомной бомбы было принято в 1964 г.

После 1975 г. бомба виделась как единственная надежная защита от казавшегося к тому времени неизбежным столкновения с Москвой. Предназначалось атомное оружие отнюдь не для применения его в пограничных с ЮАР странах — это было бы, конечно, самоубийством. Вероятнее всего, первоначальная идея заключалась в том, чтобы оказать давление на Запад: использовать его как разменную монету и тем самым заставить США и их союзников гарантировать безопасность ЮАР в случае нападения СССР. Но А.Дж. Фентер, автор книги об истории создания атомного оружия в ЮАР, показал, что сотрудничество Претории с Израилем с целью создания «независимого средства сдерживания» должно было в конечном итоге привести к поставкам Южной Африке межконтинентальных баллистических ракет с радиусом действия, достаточным для поражения Москвы¹¹⁶.

В 1976 г. произошло и другое важнейшее событие, оказавшее огромное влияние на ситуацию в регионе и в самой ЮАР и внесшее важные корректизы как в советскую, так и в западную политику на Юге Африки: восстание черной молодежи в Соуэто. Оно было, конечно, подавлено, но его размах, отчаянность и организованность, как и тот факт, что восставшими были в сущности дети, произвели глубокое впечатление на южноафриканцев и на весь мир. В самой ЮАР оно привело многих в среде белого населения, особенно среди молодежи, интеллигенции и деловых кругов, к осознанию необходимости реформ. Западу оно со всей оче-

---

¹¹⁶ Venter A.J. *How South Africa Built Six Atom Bombs (And Then Abandoned its Nuclear Weapons Programme)*. Pretoria: Ashanti Publishing, 2008. P. 105, 125; Van Wyk A.-M. *Atomic apartheid Versus Liberation in Southern Africa: Cold War Perspectives*. Paper presented at the Workshop *Liberation Struggles in Southern Africa: New Perspectives*. UCT, 2008. P.1, 10.

видностью продемонстрировало, что апартхейд не работает и что простым развитием экономики внутренних проблем ЮАР не решить. Появилась уверенность в том, что правительство ЮАР неспособно предотвратить новые взрывы, которые могут быть опасны для экономических интересов западных стран, и что нужно последовательное давление на него с целью изменения системы. И Африканскому национальному конгрессу, и его советским союзникам восстание продемонстрировало, что в южноафриканском обществе достаточно горючего материала для нового взрыва: нужно только направить и организовать его.

Урок, который извлекло из Соуэто правительство ЮАР, был совсем иным. Совпавшие по времени события в Анголе и в Соуэто показали, что любой будущий конфликт в ЮАР мог стать таким же предлогом для вмешательства, каким стала ситуация в Анголе. Чтобы подавить оппозицию, нужно было реформировать систему, но не в смысле ее отмены, а, наоборот, в направлении усовершенствования и развития. Решение нашли в территориальном разделении страны и выведения «проблемного» африканского населения за пределы «белой» Южной Африки в «независимые» бантустаны. Предотвращению конфликтов на территории «белой» страны должны были служить усиленные меры безопасности, пропаганда и кое-какие социально-политические меры для остававшихся там африканцев.

Отношение Запада к развитию ситуации на Юге Африки было неоднозначным. С пропагандистской — а иногда и с практической точки зрения, — ЮАР являлась неудобным союзником. Но другого в этом регионе ни у США, ни у других западных стран не было, а в условиях холодной войны он был им необходим. За событиями в Анголе последовала поездка председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного по ряду стран Африки в марте 1977 г. Среди прочих была у него встреча и с руководством АНК и СВАПО. Затем визит в Москву президента Замбии К. Каунды, выступившего с осуждением расизма и обещанием помощи национально-освободительным движениям. Все это упрочивало веру не только в ЮАР, но и в США, в то, что «тотальное наступление» — реальность. В марте 1982 г. в подкомитете Сената США по безопасности и терроризму прошли слушания о «Роли Советского Союза, Кубы и Восточной Германии в подстрекательстве терроризма на Юге Африки». На них были представле-

ны многочисленные свидетельства, позволившие сенаторам осудить освободительные движения на том основании, что они «контролировались коммунистами» и творили насилие и террор¹¹⁷.

Доктрина «тотального наступления»

Со второй половины 1970-х годов ощущение сжимающегося вокруг ЮАР кольца у белого населения только усиливалось. С приходом к руководству страной бывшего министра обороны П.В. Боты «советская угроза» и «коммунистическое наступление» слились в доктрину «тотального наступления», ставшую едва ли не официальной идеологией Национальной партии.

Советская стратегия, утверждали южноафриканские идеологи, заключалась в том, чтобы поставлять военную и гуманитарную помощь освободительным движениям и молодым освободившимся странам, с их помощью захватывать буферные страны и приближаться к Южной Африке. Эту стратегию неофициально называли иногда «стратегией домино», иногда — «стратегией салами». И то и другое означало в принципе одно и то же — окружение¹¹⁸. Южноафриканские власти назвали эту стратегию «тотальным наступлением», или «тотальным наиском».

«Тотальной» стратегия считалась не только потому, что, с точки зрения творцов политики ЮАР, имела своей целью глобальное, тотальное господство СССР, но и потому, что она охватывала все сферы: военную, пропагандистскую, религиозную, психологическую. Еще в 1974 г. член парламента от Национальной партии говорил: «Мы ведем революционную войну, трудную и длительную. Эта война физическая только на 20–30%. На 70–80% — это война психологическая, которая ведется посредством сказанного или написанного слова. И в этой войне точно так же используется террор, как и в той, что ведется на наших границах»¹¹⁹. В 1978 г., накануне своего избрания лидером Национальной партии, тогда еще министр обороны П.В. Бота говорил: «Марксизм

---

¹¹⁷ См.: *Raditsa L. Prisoners of a Dream. The South African Mirage. Historical Essay on the Denton Hearings*. Annapolis: Prince George Street Press, 1989.

¹¹⁸ Например.: *Hansard. Vol. 112 (Fourth Session — Seventh Parliament, 1984)*. 224.

¹¹⁹ *Ibid. Vol. 51 (First Session — Fifth Parliament, 1974)*. 2517.

ведет не только военные бои с целью выполнения своей “великой стратегии” на Юге Африки. Россия ведет пропагандистскую кампанию, и я боюсь, что большая часть свободного мира пала жертвой этой пропаганды. Россия ведет психологическую и экономическую войну... Это тотальная война»¹²⁰.

Доктрина «тотального наступления», «тотального натиска», или «тотальной войны», была любимым детищем Боты. С его приходом к власти в 1978 г. она пронизала все сферы деятельности государства. Его ответом на «тотальный натиск» СССР стала «тотальная стратегия», базировавшаяся на выдвижении интересов «безопасности» на главное место при принятии всех политических решений. «Тотальная стратегия» выразилась в централизации и милитаризации всех механизмов управления и подчинении их Государственному совету безопасности; в проведении «опережающей» внешней политики в регионе по отношению к странам, считавшимся орудиями советской агрессии; в запрете политических организаций, тюремных заключениях оппонентов и тайных мерах против «врагов народа». В целом, «тотальная стратегия» привела к усилению репрессий и дальнейшей дестабилизации региона¹²¹.

Свое видение «тотального наступления» П.В. Бота подробно изложил в выступлении в парламенте в 1982 г.:

Комиссия Стейна¹²² подтвердила существование “тотального наступления”, а именно тот факт, что это наступление на Южную Африку ведется не на каком-то одном направлении, но рассчитано на то, чтобы изъять нашу страну из той сферы, в которой она развивалась веками, и поместить ее в другую, марксистскую и коммунистическую... Наступление является результатом экспансионистской политики Советской России и так называемой освободительной борьбы, в которой она [Россия. — А.Д., И.Ф.] объединяется с “черными” организациями и эксплуатирует “черный” национализм в своих целях.

¹²⁰ Ibid. Vol. 73 (First Session — Sixth Parliament, 1978). 4853–4855.

¹²¹ *Geldenhuys D. Official South African Perceptions of the Soviet Union: from confrontation to accommodation. Paper, delivered at Soviet-South African conference on Southern Africa. Leverkusen, October 1988. IDASA Occasional Publications. No. 14.*

¹²² Комиссия генерала Стейна была создана правительством с целью расследования антиправительственной подрывной деятельности в южноафриканской армии.

Это факт, что Советская Россия выбрала Южно-Африканскую Республику своей целью. Причина не только в том, что мы ей нужны, но и в том, что она хочет использовать нас в борьбе против Запада. Логика — в стратегическом положении и минеральных богатствах ЮАР. Советская Россия считает, что если она сможет установить контроль над поставками Западу ближневосточной нефти и южноафриканских полезных ископаемых, то она будет господствовать над Западом и принудит его подчиниться. Поэтому борьба, которую Советская Россия помогает вести и которую она все больше разжигает на Юге Африки, имеет отношение к тотальному наступлению и на Запад тоже... Тотальный характер наступления определяется сочетанием советского стремления к мировому господству с борьбой организаций Черной силы¹²³ за политическую власть и взаимодействием между ними.

Россия использует подставные силы, такие как АНК, о котором теперь говорят с таким уважением... С каких пор он стал политической партией? АНК — орудие коммунистической партии и Советской России, используемое для подрыва этой страны. Советская Россия обучает его, вооружает и предоставляет ему специальную информацию. И этой организацией управляет коммунистическая партия, которая запрещена в нашей стране, но которая уже давно проникла в руководящие структуры АНК...

В политической сфере, которая включает в себя психологическую, религиозную, социальную и экономическую сферы, Советы используют как фасад международные организации, такие как движения против апарtheidа, профсоюзы и их объединения, а также Организацию африканского единства. Внутри страны для подстрекательства к волнениям и недоброжелательству используют Черную силу. В некоторых кругах на Западе превалирует неверное представление о коммунизме, заключающееся в том, что он не очень вреден и опасен для человечества. Из этого извлекается полная выгода...¹²⁴

Внешнеполитическая часть доктрины «тотального наступления» подробно изложена в послании Боты премьер-министру Великобритании М. Тэтчер, датированном 5 февраля 1980 г.:

---

¹²³ Подразумеваются организации Движения черного самосознания, сыгравшие ведущую роль в восстании в Соуэто.

¹²⁴ Hansard. Vol. 99 (Second Session — Seventh Parliament, 1982). 108–109, 111.

В эпоху Брежнева Советский Союз значительно увеличил свою силу и влияние по сравнению с Соединенными Штатами и Западом вообще... [Брежнев] умно использовал разрядку как ширму... чтобы пропагандировать подрывные действия и устанавливать просоветские правительства в третьем мире... Советское влияние в Европе, в Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, на Ближнем Востоке, в Южной Аравии, в отдельных странах Северной, Восточной, Западной и Южной Африки переросло тот уровень, когда его можно было назвать опасным. Оно реально. Оно приняло устрашающие масштабы.

Нет никакого сомнения, что регион Юга Африки стал теперь главной целью советских амбиций. Контроль над обширными и ценностными сырьевыми ресурсами нашего региона вместе с собственными ресурсами России позволит ей контролировать поставки промышленно развитому Западу. Контроль над Южной Африкой с ее стратегическим географическим положением, важность которого умножается ее развитыми технологиями и инфраструктурой и ее промышленными возможностями, значительно усилит это господство. В действительности оно изменит баланс глобальных стратегических сил в пользу СССР в такой степени, которая будет сравнима только [с последствиями] установления его контроля над Ближневосточным регионом...

Советская угроза, наступающая на Южную Африку, требует неотложного внимания от всех нас. Советский Союз уже закрепился в Эфиопии, Анголе и Мозамбике, и его влияние в других африканских странах представляет прямую угрозу всей Африке. Но его главная цель — Юг Африки... Если мы хотим, чтобы демократические институты сохранились где бы то ни было в Африке, Запад и умеренные африканские лидеры должны выработать общую антисоветскую стратегию... Южная Африка взяла на себя необратимое обязательство сдерживать советскую агрессию всеми силами, находящимися в ее распоряжении, независимо от последствий... Запад, похоже, загипнотизирован разрядкой и сбрасывает со счетов резкий рост советского влияния в Африке за время руководства Брежнева, так как Россия искусно работала через сурrogаты и “освободительные” движения.

Важной частью советской стратегии в Африке было использование Организации Объединенных Наций и международных организаций, которые СССР контролирует, чтобы вогнать клин между Южной Африкой и главными знаменосцами свободы под предлогом того, что Южная Африка отступила от норм цивилизации...¹²⁵

---

¹²⁵ Department of Foreign Affairs Archives. 1/50/6. Vol. 33. P. 2—5.

Военно-политический аспект доктрины изложен в секретном докладе «Операция “Глубинный поиск”». Автором был, очевидно, бывший сотрудник южноафриканских спецслужб, а написан до-клад был, вероятно, в середине 1990-х годов. В нем говорилось:

На Юге Африки шла революционная и контрреволюционная война, и Южноафриканские силы обороны, особенно высший офицерский состав и Генеральный штаб, подавали ее как “тотальную войну”. Эта концепция базировалась на тезисе о холодной войне и роли Южной Африки в этой войне:

- Южная Африка была последовательно антикоммунистической страной.
- Страна богата стратегическими минералами и расположена между Западом и Востоком на нефтяном маршруте.
- Поэтому Южная Африка была целью СССР.
- Южная Африка подвергалась диверсифицированному нападению со стороны Советов через АНК с его низкоинтенсивной войной внутри страны, и дипломатическому давлению с целью изолировать ее на всех фронтах.
- СССР направлял все свои ресурсы на достижение своих целей на Юге Африки.
- Это означало, что Южная Африка подвергалась тотальному наступлению со стороны СССР и его суррогатов...

В результате такого видения международной ситуации и внутриполитического положения

...ЮАР и ее политическое руководство все больше считали себя в состоянии войны с СССР, а значит, и с АНК и ПАК.

— Поскольку СССР отрицал, что его действия означали поддержку его суррогатов, которые вели низкоинтенсивную войну в ЮАР, правительство ЮАР с 1976 г. начало создавать такие институты, как РЕНАМО, поддержку которых оно могло отрицать, и поддерживать УНИТА¹²⁶.

— Военное и политическое руководство видело себя все более и более “в осаде” и начало приспосабливать государственные структуры к борьбе с “тотальным наступлением”... чтобы противостоять коммунистическому наступлению¹²⁷.

---

¹²⁶ РЕНАМО — Мозамбикское национальное сопротивление; УНИТА — Национальный союз за полную независимость Анголы.

¹²⁷ Operation «Deep Search». Secret. N.p., n.d. [late 1990s ?] // Department of Foreign Affairs Archives, 400/-3/408 9/. Russiese Federasie. Verskie

---

Паранойя

Эти простые построения мало поддавались логическому осмыслению. При ближайшем рассмотрении ни одна из кажущихся очевидными причин интереса нашей страны к южноафриканскому региону не имела практического смысла. Стремление перекрыть для Запада «нефтяной» маршрут вокруг мыса Доброй надежды? Стремление получить доступ к новым портам и военным базам? Продемонстрировать силу своим западным оппонентам? Заполучить южноафриканские полезные ископаемые или отрезать от них Запад? Получить доступ к сельскохозяйственным угодьям ЮАР? Уменьшить влияние Китая в Африке? Американский политолог Кристофер Макэуан, стажировавшийся в Южноафриканском институте международных отношений, проанализировал каждое из этих предположений и показал, что без полномасштабной советской (или советско-кубинской) интервенции в ЮАР ни одна из этих целей не была достижима. Но если у СССР и было, писал Макэуан, «страстное стремление к мировому господству», такая интервенция была маловероятна, так как она потребовала бы слишком большого напряжения сил со стороны СССР и Кубы, и даже тогда у СССР не было бы уверенности, что ему удастся привести своих сателлитов к власти.

Главной целью СССР, писал Макэуан, является Европа, поэтому «безопасность Южной Африки зависит от внутренних событий в Европе и от напористости США. Чем более левыми и пацифистскими становятся европейские государства и чем более изоляционистскими США, тем больше вероятность советской интервенции в Южную Африку с достижением желаемого результата без угрозы для главных интересов Советов в Европе. Кажется достаточно определенным, что нынешний упадок США и Европы не зашел еще достаточно далеко, чтобы оправдать [для СССР. — А.Д., И.Ф.] такой политический шаг, как вторжение в Южную Африку»¹²⁸. По сути, это было опровержением доктрины «тотального наступления». Доклад Макэуана был разослан во все южно-

---

en *Korrespondensie*. Документ, написанный, очевидно, бывшим сотрудником секретной службы ЮАР, как свидетельство по делу об убийстве Улофа Пальме.

¹²⁸ *McEwan C.B.* Op cit. P. 21 et al.

африканские ведомства, связанные с внешней политикой, но его логика ничего не изменила.

В существовании «тотального наступления» и коммунистической угрозы для ЮАР были уверены не только ее правящие круги и не только Национальная партия. В нее верило большинство белого населения, составлявшего к началу 80-х годов прошлого века более 5 млн человек: десятилетия пропаганды не прошли бесследно. Она пронизывала всю канву общественной жизни.

Взгляды оппозиционной Объединенной партии в этом отношении мало отличались от взглядов правительства. Разница заключалась лишь в объяснении причин успеха «коммунистического наступления». Лидер ОП Де Вильерс Храфф постоянно выступал в парламенте с идеей, что причиной усиления советского влияния была неверная внутренняя политика правительства¹²⁹. Даже более радикальная Прогрессивная федеральная партия придерживалась той же точки зрения. В 1982 г. один из ее представителей в парламенте говорил: «Во-первых... наступление на Южную Африку существует; во-вторых, политика правительства его бесконечно усугубляет; в-третьих, мы вынуждены жить с ним, поскольку... оно является частью наследия 30-летнего правления Национальной партии. Политика этого правительства — апартхейд, раздельное развитие, что хотите, — является тем мягким подбрюшьем Южной Африки, которое способствует экспансии марксизма»¹³⁰.

Парадоксально, но о существовании «наступления» и международного заговора — «сговора» — относительно Южной Африки говорило и руководство ЮАКП, только с обратным знаком. Дж.Б. Маркс, возглавлявший делегацию ЮАКП на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г., сказал в интервью корреспонденту «Известий», что «Африканский континент стал одной из главных целей широкого контрреволюционного наступления» и что южноафриканский народ борется не только за свое собственное освобождение, но и выполняет свой «интернациональный долг», поскольку между южноафриканским расистским режимом и международным империализмом существует «сговор»¹³¹.

---

¹²⁹ Hansard. Vol. 61 (Third Session — Fifth Parliament, 1976). 5220–5223.

¹³⁰ Ibid. Vol. 99 (Second Session — Seventh Parliament, 1982). 347, 348.

¹³¹ Department of Foreign Affairs Archives, 123/1. Vol. 11.

В отличие от оппозиции, правительство винило в своих проблемах только внутреннюю и внешнюю агрессию СССР. Советская угроза, по его мнению, проистекала исключительно из стремления СССР к мировому господству, наоборот, внутренние проблемы ЮАР были результатом того, что СССР использовал внутреннюю политику страны для своей пропаганды — не из любви к чернокожему населению, но с целью достижения своих захватнических целей. Так что никакие изменения внутренней политики не могли остановить нападки СССР на ЮАР и его прямую агрессию¹³².

Неотъемлемой частью доктрины «тотального наступления» была убежденность ее идеологов в существовании у СССР особого, рассчитанного на десятилетия вперед, плана захвата мира. Советское присутствие в Анголе сделало этот план постоянной темой дискуссий. Вот как представлял этот план в парламенте министр информации и внутренних дел К.П. Малдер:

...Мир должен видеть ситуацию в более широком свете, как часть более значительной схемы, часть глобального плана, часть глобальной стратегии России по установлению ее мирового господства. Меня поражает... что великие державы Западного мира не могут или не хотят увидеть эту проблему в настоящем свете. Ведь ясно же, как белый день, что много лет назад был создан план, по которому международный коммунизм должен достигнуть мирового господства. Этот план был разработан в деталях и неукоснительно проводится в жизнь... Содержание плана хорошо известно; секрета оно не представляет. Россия должна была сначала двинуться в Восточную Европу настолько далеко, насколько это было возможно без того, чтобы спровоцировать третью мировую войну. Это была первая часть плана, и она была выполнена с большим успехом... По этому глобальному плану следующим этапом была Азия, распространение коммунистического влияния и упрочения его опоры там. Это также было выполнено с большим успехом...

Следующим шагом, в соответствии с первоначальным планом, является Африка. Африку нужно уничтожить, поскольку она снабжает сырьем экономику и промышленность Западной Европы и США. Специфическая задача уничтожения Африки описана в плане детально. Сталин считал в свое время, что Африка упадет на колени коммунистам, как спелое яблоко,

¹³² См., например: Hansard. Vol. 69 (Fourth Session — Fifth Parliament, 1977). 10064—10065.

если будут уничтожены три препятствия к этому, а именно Алжир, Израиль и Южная Африка. Так что в первую очередь давление началось на эти страны и именно в таком порядке... Из Алжира французы ушли — история хорошо известная. Мы знаем, какое давление оказывается каждый день на Израиль...

Стратегия по отношению к Южной Африке тоже хорошо известна. Первоначально была сделана попытка нанести удар по Южной Африке путем мятежа изнутри, при помощи маленьких восстаний внутри страны. Мы все знаем о заговоре шестидесятых и о коммунистических ячейках, на которых он был построен¹³³. Премьер-министр — тогда министр юстиции — быстро справился с коммунистами. Мы поняли весь заговор и всю игру. Попытка установления мирового господства была очевидна. Африка должна была быть завоевана, так как если Африка завоевана и поставки сырья в Европу прекращены, то экономически ослабленная Европа станет легкой добычей коммунистов, и тогда, если к тому будет необходимость, можно вступить в открытую конфронтацию с Америкой, чтобы уничтожить ее. План будет, таким образом, выполнен¹³⁴.

О существовании такого плана часто говорили и премьер-министр Форстер¹³⁵, и Дж.П.Д. Тербланш — один из лидеров Брудербонда, тайного общества, объединявшего высшую африканерскую элиту. По мнению Тербланша, «коммунистический генеральный план подчинения Африки был черным по белому обрисован в 1962 г. на трехконтинентальной конференции»¹³⁶, а Запад предпочитает иметь дело с коммунистами, а не с ЮАР, «потому что там коммунистические партии легальны и разрешены»¹³⁷.

Выступления в парламенте рядовых депутатов от Национальной партии создают впечатление паранойи. Вот одно из них: «Тотальное наступление началось в Ялте. Черчилль предложил, чтобы следующим врагом номер один была объявлена Красная армия...

---

¹³³ Подразумевается начало вооруженной борьбы в начале 60-х годов прошлого века.

¹³⁴ Hansard. Vol. 60 (Third Session — Fifth Parliament, 1976). 137–140.

¹³⁵ См., например: Ibid. Vol. 66 (Fourth Session — Fifth Parliament, 1977). 364.

¹³⁶ Конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки на Кубе, 1966 г.

¹³⁷ Hansard. Vol. 74 (First Session — Sixth Parliament, 1978). 8533–8534.

Но это предложение принято не было... и тогда инициатива перешла к русским с их марксизмом. Марксизм создал и расширил ООН в качестве своего главного орудия и ОАЕ в качестве дополнительного орудия. Марксизм появился в Анголе, Мозамбике, на улице Гоф, в Порт-Элизабет, а на прошлой неделе в Хилбрю... Это согласуется со словами Хрущева в кратком изложении всемирного коммунистического плана: «Мы покончим с Африкой, потом с Англией, потом с Америкой, а потом мы доберемся до небес и позаботимся о боге...» Много лет назад коммунистическое руководство начало психологическую атаку на Запад... с помощью психологического оружия, направленного в самое сердце народа. Это и есть тотальный натиск»¹³⁸.

Вот другое: «Южная Африка, как часть Свободного мира, переживает наступление держав, которые стремятся обратить весь мир в рабство... Кроме таких акций, как партизанская война и террористическая деятельность, их *modus operandi* включает косвенную войну в сферах психологии, политики, экономики, религии, культуры, спорта и многих других... »¹³⁹

Идея советского «генерального плана» с годами не менялась. Только цитаты становились, кажется, все более и более произвольными. В 1980 г. член парламента от Национальной партии говорил: «Как вы помните... Ленин сказал однажды, что страна, которая контролирует мыс Доброй Надежды, контролирует путь в Париж или что-то в этом духе. А после этого будет Западная Европа, а потом Соединенные Штаты Америки»¹⁴⁰.

Окончание разрядки и изменение позиции Запада, особенно в связи с советским вторжением в Афганистан, несколько успокоили творцов доктрины «тотального наступления», но от самой этой идеи они не отказались. Министр иностранных дел Рулоф Бота посвятил половину своего выступления в парламенте в 1980 г. внешнеполитическим успехам СССР. И хотя, говорил он, «вторжение России в Афганистан пробудило Запад», она все же «целенаправленно занимает стратегические точки во всем мире непосредственно силами российской армии, через посредство суррогатов или путем попыток свержения существующего строя и структур через подстрекательство и подрывную деятельность»¹⁴¹.

¹³⁸ Ibid. Vol. 73 (First Session — Sixth Parliament, 1978). 4875–4876.

¹³⁹ Ibid. Vol. 79 (Third Session — Sixth Parliament, 1979). 1550.

¹⁴⁰ Ibid. Vol. 87 (Fourth Session — Sixth Parliament, 1980). 6626.

¹⁴¹ Ibid. Vol. 87 (Fourth Session — Sixth Parliament, 1980). 6629–6632.

Смещение акцентов

Но с начала 1980-х годов, с ростом международного влияния и активности АНК и с ростом недовольства внутри страны все больше внимания и места в обсуждении «тотального наступления» уделялось не глобальной, а внутренней опасности. Министр полиции и тюрем Л. ле Гранж говорил в своем выступлении в парламенте: «Самое важное террористическое наступление на ЮАР ведется Южно-Африканской коммунистической партией, АНК Южной Африки и ПАК... Ни одна из трех организаций не делает никакого секрета из того факта, что они стремятся свергнуть существующий в ЮАР строй силой оружия и путем насилиственной революции и создать здесь марксистское социалистическое государство. Они считают силу оружия главным способом добиться политических перемен в ЮАР»¹⁴².

СССР по-прежнему считался центром агрессии против ЮАР, но с ростом международного признания и влияния АНК и СВАПО упоминалось об этом вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. А вот самим этим организациям уделялось все больше внимания.

СССР впервые предстает уязвимым в начале 1980-х годов. До этого его военная мощь и монолитность подчеркивались и переоценивались. О внутренних проблемах социалистического лагеря не упоминалось, и даже раскол с Китаем прошел практически незамеченным последователями доктрины «тотального наступления». С начала 80-х годов эти проблемы и ухудшение экономического положения СССР стали постоянным лейтмотивом. В парламенте эту тему впервые поднял министр иностранных дел и информации Рулоф Бота, говоривший о внутренних трудностях СССР и его проблемах с Польшей¹⁴³.

Тематический указатель к разделу «Советский Союз» в парламентских дебатах за 1981 г. отражает эти перемены. В нем упомянуты следующие разделы: трудности; проблемы поддержания внутреннего политического контроля; дискриминация; экспансионистские цели и действия; роль флота; вмешательство на Юге Африки; угроза¹⁴⁴.

---

¹⁴² Hansard. Vol. 85 (Fourth Session — Sixth Parliament, 1980). 298.

¹⁴³ Ibid. Vol. 95 (First Session — Seventh Parliament, 1981). 4072.

¹⁴⁴ Ibid. Vol. 98 Index to Debates of the House of Assembly (Hansard), (First Session — Seventh Parliament, 1981). P. 154.

К середине 1980-х годов роль СССР в тотальном наступлении упоминается совсем редко. А на первый план выдвигаются беспорядки, деятельность массового Объединенного демократического фронта (ОДФ) и его связь с АНК. Цепочка АНК—ЮАКП—СССР трансформировалась в ОДФ—АНК—ЮАКП—СССР¹⁴⁵.

Этому посвятил значительную часть своего выступления в парламенте в 1985 г. П.В. Бота. «Непосредственной целью ОДФ, — говорил он, — является мобилизация масс и подстрекательство их на конфронтацию с властями. Они надеются таким способом раскрутить спираль насилия, чтобы она завершилась революцией. Что до указания сделать страну неуправляемой, которое АНК дал Объединенному демократическому фронту, то Годфри Мотсепе, представитель АНК в странах Бенилюкса, сказал недавно в интервью голландскому изданию: “Фантастическую работу ведут кадры АНК внутри страны, в том числе те, кто оперирует легально внутри массовых организаций. Мы сказали этим людям: “Сделайте страну неуправляемой”, и страна стала неуправляемой. ОДФ действует не только сам по себе, но он стал внутренним продолжением АНК и Южно-Африканской коммунистической партии... Южно-Африканская коммунистическая партия укрепила свой контроль над АНК в такой степени, что не остается сомнений в том, кто действительно руководит этой организацией. Только в январе этого года Джо Слово заявил “Вашингтон пост”, что АНК в течение многих лет получал большую поддержку Советского Союза и что у Южно-Африканской коммунистической партии — ценное и уникальное положение в АНК»¹⁴⁶.

Джо Слово вызывал особую ненависть у представителей правящей элиты: белый, руководитель Умкнто, председатель ЮАКП, открыто признававший не только свою принадлежность к партии, но и свой пост в ней. Его называли «настоящим дьяволом», реальной силой за спиной Тамбо и даже «генералом КГБ»¹⁴⁷.

От речи П.В. Боты на конференции Национальной партии в Дурбане в августе 1985 г. многие ждали перемен. Ее даже назвали

¹⁴⁵ См., например: Hansard. Vol. 10 (Third Session — Eighth Parliament, 1986). 8114—8117 et al.

¹⁴⁶ Ibid. Vol. 3 (Second Session — Eighth Parliament, 1985). 3801—3802.

¹⁴⁷ Ibid. House of Assembly, 3 February 1987. 248; 2 February 1986. 16. КГБ — Комитет государственной безопасности СССР.

заранее «рубиконовской». Но перехода Рубикона не получилось. Бота был настолько одержим коммунистической угрозой, что повторял одну и ту же идею в разных вариациях из месяца в месяц, из года в год. И в этот раз говорил только о том же: беспорядки в ЮАР координируются из-за рубежа, их результатом может стать коммунистическая революция, направленная на то, чтобы предотвратить успех его реформ¹⁴⁸.

19 мая 1986 г. южноафриканские BBC разбомбили базы АНК в Хараре, Габороне и Лусаке. Заместитель министра информации Луи Нел оправдывал эти действия советским вмешательством. «Правительство не может предотвратить подготовку, вооружение и поддержку террористов Советами, — говорил он, — но может сделать так, что они не смогут наслаждаться безопасными базами в соседних странах и выполнять свою цель организации террора против ЮАР»¹⁴⁹.

Идея допустимости военных действий на территории соседних стран, если там находились лагеря АНК, была заложена и в военной доктрине ЮАР. В Белой книге Министерства обороны за 1984 г. по этому поводу говорилось: армия ЮАР «считает своей целью не только обеспечение достаточной защиты страны от потенциальных агрессоров, но и демонстрацию позитивной воли ЮАР защищать свой суверенитет посредством наступательных операций. Природа и размах угрозы ЮАР на уровне обычных вооружений тесно связаны с природой, интенсивностью и направлением конфликта между Востоком и Западом и развитием революционного натиска на ЮАР»¹⁵⁰.

Несмотря на перестройку в СССР и достигнутые к тому времени договоренности по разблокированию ангольского конфлик-

---

¹⁴⁸ Address by State President P.W.Botha, August 15, 1985 // The O’Malley Archives // http://www.nelsonmandela.org/omalley/index.php/site/q/03lv_01508.htm. Pre-Transition (1902–1989). Documents and Reports, 1985.

¹⁴⁹ South African Digest, 23.05.1986. Цит. по: *Cartwright K. Perceptions of the «Red Peril»: The National Party’s Changing Portrayal of the «Communist Threat»*, c. 1985 — February 1990. Dissertation submitted in fulfilment of the requirements for the award of the degree of Master of Arts in Historical Studies. Department of Historical Studies, University of Cape Town, 2002. P. 62.

¹⁵⁰ Republic of South Africa. Department of Defence. White Paper on the Organization and Functions of the South African Defence Force and the Armaments Corporation of South Africa LTD. Laid upon the Table by the Minister of Defence. 1984. P. 36.

та, военная доктрина ЮАР 1989 г. была даже более откровенна. «ЮАР не заинтересована в расширении своей территории, поэтому Южно-Африканские силы обороны не проводят операций с целью постоянной оккупации иностранных территорий, — говорилось в Белой книге Министерства обороны. — Однако они не допускают использования территории соседних государств организациями, угрожающими национальной безопасности ЮАР/ЮЗА [Юго-Западной Африки. — А.Д., И.Ф.]. Более того, следует постоянно иметь в виду, что баланс сил на Юге Африки может быть внезапно нарушен СССР/Восточным блоком в ущерб ЮАР. Это положение заставляет Южно-Африканские силы обороны готовить дополнительные планы на случай ряда возможных операций. Целью этого планирования является подготовка к таким операционным событиям, которые, если они произойдут, могли бы привести к насильственной ликвидации системы управления или нанести существенный ущерб суверенитету ЮАР или свободе действий Южно-Африканских сил обороны»¹⁵¹.

Перестройка не оказала никакого воздействия и на предвыборную кампанию 1987 г., в ходе которой жупел коммунистической угрозы использовался особенно широко. Этой угрозе посвятили, например, свои речи в парламенте заместитель министра иностранных дел Кобус Мейринг¹⁵² и министр обороны Магнус Малан. Малан говорил: «Южная Африка в целом остается первым призом для России. У нас есть полезные ископаемые, которые Россия стремится отнять у Запада. К тому же она хочет установить контроль над морским путем вокруг мыса. Революционный процесс в Южной Африке... имеет две явные и неразделимые стадии... АНК руководит первой стадией... он — на сцене... но за сценой — настоящий режиссер, тот, кто дергает за веревочки, — Южно-Африканская коммунистическая партия. У Южно-Африканской коммунистической партии — прямые связи с Москвой, и Москва ее контролирует... ЮАКП готовится к тому, чтобы в подходящий момент продолжить дело АНК. Тогда начнется вторая фаза наступления на Южную Африку»¹⁵³.

¹⁵¹ Republic of South Africa. Department of Defence. White Paper on the Planning Process of the South African Defence Force. Tabled by the Minister of Defence. 1989. P. 17.

¹⁵² Hansard. 5 February 1987. 409.

¹⁵³ Ibid. Vol. 19 (Fifth Session — Eighth Parliament, 1987–1988), 14.09.1987. 5899–5901.

Но после выборов, со второй половины 1987 г., интерес южноафриканского руководства к СССР заметно упал. Несмотря на репрессии, правительство явно неправлялось с ситуацией в стране, и идеологические построения о «тотальном наступлении» сменились лихорадочными практическими мерами по подавлению Объединенного демократического фронта и Конгресса южноафриканских профсоюзов, а пропагандистские пассажи — утверждением их связей с АНК и ЮАКП. Руководство Национальной партии так и не поняло, что в глазах большинства африканского населения ЮАР такая связь могла пойти только на пользу как ОДФ, так и КОСАТУ. В индексе стенограмм парламентских заседаний за вторую половину 1987 г. нет ни СССР, ни России, ни даже «тотального наступления». Дискуссии же по поводу деятельности АНК, ЮАКП, ОДФ, КОСАТУ и СВАПО занимают сотни страниц. Было, правда, упоминание о том, что кампания против воинской повинности — это «местные пешки» Москвы¹⁵⁴. Но только вскользь — и никакой теории.

ЮАР изучает СССР

В течение нескольких десятилетий южноафриканское правительство уделяло огромное внимание сведениям о нашей стране.

Фиксировались, например, самые разные действия советской дипломатии на Юге Африки от делегаций любого уровня в любую страну до приемов делегаций АНК в СССР¹⁵⁵ — разумеется тех, о которых были сведения. Фиксировались контакты южноафриканских дипломатов с советскими, даже самые незначительные. Случайно оказавшись за одним столом с советскими дипломатами на приемах в третьих странах, южноафриканские дипломаты сообщали в свое ведомство малейшие детали разговоров. С конца 1970-х годов таких неофициальных контактов становилось все больше. В некоторых отчетах о них отмечалось как предположение, что советские дипломаты, участвовавшие в них, были сотрудниками КГБ¹⁵⁶.

---

¹⁵⁴ Hansard. House of Assembly, 23.02.1987. 1302.

¹⁵⁵ См., например: Department of Foreign Affairs Archives. 1/50/6. Vol. 34.

¹⁵⁶ См., например: Ibid. 1/50/3. Vol. 2.

Южноафриканские спецслужбы собирали сведения о Советском Союзе от иностранцев, посещавших конференции в СССР — американцев, англичан, немцев и т.д.¹⁵⁷ Собирали, конечно, сведения о плаваниях советских подводных лодок, особенно, когда появлялись предположения, что они тайно бывали и у берегов ЮАР. Состояние советского флота вообще изучалось довольно подробно, в основном по материалам, которые в ЮАР получали из США, других западных стран и Австралии¹⁵⁸.

В 1978 г. посол ЮАР в Вашингтоне предлагал своему министру подпись на публикации «Информационной службы по иностранным средствам массовой информации» — одного из подразделений ЦРУ. В них давались ежедневные переводы статей из «Правды» и «Известий»¹⁵⁹. В архиве Министерства иностранных дел (МИД) ЮАР дела по СССР буквально забиты переводами статей советской прессы. В них есть и едва ли не все, что публиковалось в СССР по южноафриканской тематике на английском языке.

Министерство иностранных дел ЮАР поставляло еженедельные сводки для Бюро государственной безопасности (БОСС) о «террористической деятельности против Южной Африки», но сведения в них содержались, мягко говоря, не вполне соответствовавшие названию. Так в сводке от 15 января 1970 г. описывалась конференция в Институте Африки и выступление на ней заместителя заведующего Иностранным отделом ЦК КПСС Р.А. Ульяновского. В сводке от 22 января 1970 г. под той же рубрикой цитировалось и комментировалось выступление директора Института Африки В.Г. Соловьевского на конференции в Институте международных отношений в Польше. И все это шло под грифом «Секретно»¹⁶⁰.

В 1980 г. один из парламентариев Национальной партии, Б.Л. Гельденхёйс выступил в парламенте с призывом изучать СССР и коммунизм. Он жаловался, что для этого нет базы: нет специалистов, и университеты не получают необходимой для этого литературы¹⁶¹. В апреле того же года в Стелленбошском универ-

¹⁵⁷ См., например: *Ibid.* 1/50/6. Vol. 27.

¹⁵⁸ См., например: *Ibid.* 1/50/6. Vol. 19, 22.

¹⁵⁹ *Ibid.* 1/50/6. Vol. 31.

¹⁶⁰ *Ibid.* 123/1. Vol. 1.

¹⁶¹ Hansard. Vol. 87 (Fourth Session — Sixth Parliament, 1980). 7721–7722.

ситете был открыт Институт изучения марксизма. Его первым директором стал профессор Дирк Куцие, автор многочисленных трудов по истории коммунизма, марксизма и национализма. Куцие считал, что бороться с коммунизмом без глубокого знания этой доктрины и стран, которые воплощали ее в жизнь, было нельзя. Задачей института он провозгласил «непредвзятое изучение марксизма и его роль в южноафриканской ситуации»¹⁶².

Знаний об СССР — не говоря уже о марксизме, — южноафриканскому руководству действительно не хватало. Достаточно сказать, что в 1973 г. генеральный консул ЮАР в Гамбурге счел нужным сообщить в свое министерство «новую информацию» (почерпнутую из публичной лекции) о том, что «русскому правительству приходится учитывать тот факт, что около 10% его восточноевропейского населения является мусульманами». «Эти мусульмане, — утверждал он, — все живут в невралгических¹⁶³ районах на границе с Китаем...»¹⁶⁴

Но и работы считавшегося знатоком СССР Куцие, несмотря на его призывы к «научности», немногое добавляли к пониманию политики СССР. В своей книге «Коммунизм и Южная Африка» Куцие дал несколько ответов на вопрос: «Почему коммунисты особенно заинтересованы в Южной Африке?» Вот главные: 1. Южная Африка — капиталистическая страна, т.е. одна из тех стран, где коммунисты стремятся организовать революции, чтобы покончить с капитализмом. 2. По марксистским понятиям, Южная Африка предрасположена к революции: это индустриальная страна с двумя развитыми классами, буржуазией и пролетариатом, вовлеченными в классовый конфликт. 3. Из-за своей технологической мощи и наличия большой группы населения, отвергающей коммунизм, Южная Африка является главным препятствием к воплощению плана коммунистов по установлению своего контроля над Африкой. 4. Если Южная Африка попадет в руки коммунистов, то это будет означать установление их полного контроля над запасами и производством таких важнейших стратегических ресурсов, как платина, хром, ванадий, золото, марганец, и уран. 5. Если коммунисты получат контроль над Южной

---

¹⁶² Visser W. Op. cit. P. 121.

¹⁶³ Так в тексте.

¹⁶⁴ Department of Foreign Affairs Archives. 1/50/6. Vol. 24.

Африкой, это будет означать жизненно важную победу в их борьбе против капитализма и прежде всего против США. <...> 8. Коммунисты считают, что «черные» примут коммунистический порядок, поскольку большинство из них — рабочие, которые будут заинтересованы в национализации средств производства, а также из-за их традиций общинной жизни¹⁶⁵.

Куцие принадлежал к числу «просвещенных» африканеров — новому поколению африканерской интеллигенции, ставившему под сомнение многие догмы апарtheidа и политики правительства, но по сути его труды повторяли идеи творцов и поборников апарtheidа и доктрины «тотального наступления». Новизна его подхода заключалась в лишь в утверждении, что идеальная Южная Африка — это страна, «где никто не страдает от голода и холода, где у каждого есть приличный дом, где нет безграмотных и где никто не боится ни собрата-человека, ни будущего». Только относилось это лишь к собственно Южной Африке, без бантустанов и хоумлендов. В такой стране, по плану творцов системы апарtheidа, должно было остаться совсем немного африканцев.

Куцие полагал, что стратегия борьбы против коммунизма должна быть двойкой: с одной стороны, признание законных требований африканских националистов, с другой — подавление любой коммунистической деятельности. Правительствам хоумлендов — «независимых государств» — Куцие предлагал несколько рецептов борьбы с коммунистической опасностью. Нет смысла их пересказывать: достаточно лишь упомянуть, что все они начинаются словами «правительства независимых стран должны...» или «черные лидеры должны...». Один только пункт направлен не к ним, а к правительству самой ЮАР: «Чтобы независимые черные страны не чувствовали, что их отношения с ЮАР носят неоколониальный характер... нужно приложить всемерные усилия, чтобы обеспечить этим странам жизнеспособную экономику и здоровую администрацию»¹⁶⁶. Идея, безусловно, здравая, но малореалистичная.

Донорами Института изучения марксизма среди прочих организаций являлись Голландская реформатская церковь и Антиком. Но постепенно Институт начал стремиться к большей

¹⁶⁵ Kotze D.J. *Communism and South Africa*. Cape Town: Tafelberg, 1979. P. 164–167.

¹⁶⁶ Ibid. P. 197–203.

независимости, и его Совет поручил директору сообщить руководству Антиком, что принятие ежегодной дотации не гарантировало поддержку Институтом ее идеологии¹⁶⁷.

Размонтирование идеи о советском «тотальном наступлении» в Институте выпало советологу Филипу Нелу, по утверждению тех, кто его знал, — бывшему офицеру военной разведки южноафриканской армии.

Уже в начале 1980-х годов Нел был убежден в том, что советская угроза Южной Африке, как и возможности и цели СССР, были сильно преувеличены южноафриканскими политиками и что это создавало «опасную иллюзию» о том, что южноафриканские проблемы были порождены СССР. Он упрекал южноафриканских политологов в том, что при всей важности, придававшейся СССР и советской политике государством, они не дали себе труда по-настоящему изучить эту страну. В 1986 г. Институт изучения марксизма был переименован в Институт советских исследований, а Нел стал его директором¹⁶⁸. В 1985 г. Институт начал выпускать «Soviet Review», выходивший шесть раз в год обзор советской политики, прежде всего в Африке. В начале 90-х годов Институт превратили в секцию, а потом и вовсе закрыли. Его богатая советологическая библиотека была слита с общеуниверситетской.

Национальная партия, ее идеологи и последователи опубликовали сотни книг, статей, брошюр и прочей печатной продукции — не говоря уже об официальных документах, — объяснявшей белым южноафриканцам, в чем именно состоит «красная опасность», кто является ее проводником, как с ней бороться. Часть этой литературы носила псевдонаучный характер, часть — религиозный, часть — популярно-пропагандистский. Но только в 1986 г. министр обороны Магнус Малан начал цитировать журнал ЮАКП «African Communist», чтобы объяснить тактику ОДФ в «освобожденных зонах» — тауншипах и шантитаунах южноафриканских городов, контролировавшихся Объединенным демократическим фронтом¹⁶⁹. И только в 1987 г. Ф.Дж. (Нил) фан Хеерден, парламентский представитель Национальной партии по ино-

---

¹⁶⁷ Visser W. Op. cit. P. 124.

¹⁶⁸ Ibid. P. 125–126.

¹⁶⁹ Hansard. Vol. 8 (Third Session — Eighth Parliament, 1986.) 3112.

странным делам, посвятил свою речь анализу Хартии свободы¹⁷⁰. Создается такое впечатление, что стремления действительно узнать своего противника, будь то СССР, АНК или ЮАКП, у руководства Национальной партии не было до начала 90-х годов прошлого века. Для идеологических клише, которыми оно мыслило, было достаточно веры.

---

¹⁷⁰ Ibid. Vol. 19 (Fifth Session — Eighth Parliament, 1987–88), 07.09.1987. 5410–5413.